

Кирилл Гелех

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

W: GENESIS

Кирилл Гелех

W: genesis

«Автор»

2018

Гелех К.

W: genesis / К. Гелех — «Автор», 2018

Далекий мир. Прошлое. Настоящее. Будущее. Искалеченный военный. Большой революционер. Городской смутьян. Что могло связать их? Почему первый потерял память, каким образом второй победил Мировую Республику? И чем стал третий? Юный Эш и его старшая сестра Аня пытаются выяснить события прошлого. Ведь поначалу оно кажется забавным... Им предстоит узнать про тайны их Нового Мира — мира открытой информации. Но почему тогда все взрослые отказываются говорить о том, как они пришли к их светлому будущему? И такое уж ли оно светлое? Это первая часть фантастической истории, объединяющей комедию, ужас и кровавые баталии. Многочисленные философские отсылки и нелинейный сюжет заставят даже самого искушенного читателя проникнуться атмосферой. Продукт многолетней работы, где ни одна строчка или символ не использованы без причины. Содержит нецензурную брань.

© Гелех К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 2. Новости и больница	17
Глава 3. Недопонятый слуга людей	27
Глава 5. Прибытие	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кирилл Гелех

W: genesis

История, описанная ниже, не имеет ничего общего с реальностью. Все персонажи, события, ситуации, моменты вымышлены и только вымышлены. Любые совпадения – случайны, честное слово. Позиции, мнения, идеи, фразы, высказанные нижеописанными персонажами, таки могут, – и обязаны, отчасти, – не совпадать с позицией пишущего. А уж про читателя и говорить нечего. Для более плодотворного усвоения последующего текста, советуется не воспринимать его близко к сердцу, а лучше счесть данную писанину, как шутку. Причем, не из разряда удачных.

р.с. Кроме прочего, следует дать оправдание частым отсылкам и не всегда оправданным цитированиям, коих будет если не множество, то вдоволь. Начать стоит, пожалуй, с довольно пространным разъяснением двух цитат в самом начале этого повествования. «Те, о ком пишется, постоянно присутствуют» – это первая. Вон они, стоят, смеются. Вторая – неважна. Без нее как-нибудь.

Глава 1.

Younger

Dryas

40 год Новой Федерации

Память, помнящая только прошлое – жалкая штука.

Чарльз Доджсон

Было то дерево, на нем сидели дети.

Дерево же было крупным и высоким, как страж над городом; и листья его ниспадали в океан. Было там светло и спокойно для каждого, кто сидел. Солнце заливало светом всю округу; дети шурились, они принимали тепло от лучей звезды. Не имелось у древа названия или рода. Ни днем, ни ночью, – никто не захаживал к нему...

...Однако, вопреки запретам своих родителей, ребятня из городка неподалеку частенько прибегала сюда. Так поступила и эта парочка, – мальчишка и девчонка, – они тайком пробрались по узким, хорошо изученным, улицам и незаметно пришли к исполинскому растению. На то, чтобы забраться у них ушло не столько времени, сколько храбрости. Сидеть на почти что вершине для детей было непередаваемо здорово.

Стоит оговориться, что слово «сидели» с трудом подходит для описания их ситуации: максимум чего смогли достичь мальчишка с девчонкой – вцепиться в толстые и могучие ветки, да кое-как сесть на них. Такое положение вполне позволяло ребятам оглядеть все что снизу и вокруг.

На самом деле, их не сильно-то интересовал окружающий пейзаж, не представлял для них интереса океан со своей безграничной темной синевой; не привлекал вид купольно-хижинного города, и уж совсем не волновала ребят высота обрыва, на самом краю которого стояло дерево: шоколадно-коричневое, успокоительно могучее, опущенное сочной зеленью, с низко начинающимися наливными ветвями. Оно почтенным, добродушным и снисходительным бельмом стояло на своем твердом месте.

Ни для рыжего, пухлого, розовощекого мальчика, ни для блондинистой, высокой, скуластой девочки не находилось в окружающем ландшафте ни одной новой и сколько-нибудь свежей детали. Им был знаком практически каждый сантиметр городка и прилегающих к нему окрестностей. Тем не менее, лица детей выражали крайнюю степень плохо скрываемого удовольствия: они забрались, можно сказать, на самую вершину когда-то непокорного гиганта,

они смогли побороть эту непобедимую вершину. И, как подобает победителям, сейчас ребята наслаждались моментом, слегка морщась от палящего солнца, которое своим блеском нещадно било по их детским лицам.

Сидящая выше девочка с легкой ухмылкой глянула на мальчугана снизу. Она знала про его боязнь высоты и знала, что его жутко злит ее умение карабкаться выше него. И не только это: она быстрее бегала, сноровистее плавала, выше прыгала, и в шуточных драках со своим братцем она с легкостью одерживала верх. Девочка хорошо понимала, – так хорошо, как возможно в ее возрасте, – до какой степени ее способности злят брата.

Поэтому она посчитала не лишним еще разик ему об этом напомнить.

– Забирайся выше, чего ты боишься? – произнесла она, фривольно покачивая ногами.

Мальчик взволнованно заерзал. Сразу же послышалось шуршание его рук о кору: он глянул вниз и тут же лихорадочно вцепился в ветку.

– Я не боюсь. Просто... Просто не хочу сейчас, – выговорил он сквозь зубы.

– Тут знаешь как красиво. Аж видно купола часовни, – она старалась, чтобы ее голос прозвучал нейтрально, как бы между прочим.

– Мне отсюда их тоже видно.

– А вот и нет. Там, где ты сидишь их увидеть нельзя.

– Можно.

Мальчик потихоньку начинал сопеть. Девочка знала, что это первый признак его негодования, а значит, он попался.

– Нет, нельзя.

Ее голос звучал нарочито бесстрастно. Для усиления эффекта она картинно зевнула. Мальчик бросил на нее насупленный взгляд снизу вверх.

– Чтоб ты знала, если я захочу, то легко заберусь на самую макушку!

– Ну и заберись, – ухмылка помимо воли растянула губы девочки.

– Ну и заберусь!

– Ну и заберись.

– Ну а... я сейчас не хочу, – упрямо повторил мальчик и продолжил осматривать город.

Но сестра-то знала: он делает вид, притом безыскусно. Его мысли были не о городе: во всем мире для него сейчас не сыскать ничего желаннее, чем забраться выше нее.

Девочка стрельнула глазами в рыжую макушку брата, потом посмотрела наверх. Там, в мифически недостижимой выси, росли три ветки, те, куда она сама не могла добраться. Две из них были слишком тонкими, чтобы достичь последнюю. Но почему-то сейчас, именно сейчас ей показалось очевидным: можно опереться о неохватный, чуть покосившийся ствол, используя его бугры с кочерыжками в качестве своеобразной лестницы. Первую ветку можно пролезть, на вторую слегка опереться правой ногой и дотянуться до возделенной третьей.

Недолго думая, она приступила к восхождению.

– Эй, ты куда? Ань! – засуетился мальчик, услышав копошение сверху. Но она его не слышала.

– Ань, стой! Ты куда?! – ему стало немного не по себе от удаляющейся фигуры сестры. Она с ловкостью пролезла по столбу, преодолела пару веток и, на манер обезьянки, упершись ногой в основание ветки, зацепилась одной рукой за другую, потом двумя, потом быстро-быстро-быстро заскрежетав по извилистой коре ногами, юрко взобралась и на последнюю. Перекинула ногу, села на самую верхнюю ветвь, крепко ухватилась, издала победоносный клич.

Мальчик с плохо скрываемой завистью следил за ней. Анна, ловко балансируя, сделала рукой козырек и нарочито бесстрастно уставилась куда-то вдаль. На брата намеренно внимания не обратила.

Немного помолчали. Девочка слышала как он, распаяясь, шумно сопит снизу.

– Долго тебя ждать? – наконец поинтересовалась она. Разумеется, он сейчас психанет, думалось ей. И это было замечательно.

Однако вопреки ее ожиданиям он закрыл глаза, глубоко вдохнул, упрямо сжал губы и полез вверх. Медленно, пугливо, неуверенно, осторожнейше, однако ж поднимался вверх, громоздко и неумело преодолевал сантиметр за сантиметром.

Аня свысока следила за ним, удивленная и огорченная одновременно. Ее брат подбирался к тонкой, хлипкой на вид веточке.

– Осторожнее, Эш, она хрупкая, – предупредила девочка.

Но он и сам это видел. Неуклюжий и неповоротливый, но далеко неглупый, Эш стал карабкаться с другой стороны ствола, облезая его сзади. Сестра не видела, но прекрасно все слышала: брат кряхтел, стонал, натужно пукнул, вроде даже чихнул, но подбирался ближе и ближе.

У нее получилось намного быстрее. И все же от того, что он тоже заберется, ей стало обидно.

– Хоть бы он упал... – тихо проговорила девочка.

Его рыжая макушка показалась под ее правой ногой. Осталась одна ветка, пара мгновений и все, – вот, он рядом. Огненные волосы его прилипли ко лбу, пот заливал все тучно-рыжее лицо, кофта потемнела, как после стирки. Он страшно запыхался, побледнел и зарделся одновременно.

– Давай руку, – она протянула ему свою, – Руку давай!

Он сделал вид, что не заметил помощи, потянулся выше.

Послышался тонкий хруст, последняя ветка не выдержала и треснула. Будто предчувствуя это, Аня уже держала за руку своего брата. Ее собственная ветка от них обоих заметно прогнулась.

– Блин, спускайся, дурак!

Он был необычайно тяжелый. Благо, что сам держался за ствол.

– Не могу, ноги свело, – пропыхтел Эш.

– Тогда другую хва..! – сестра не успела закончить мысль. Ветвь отломилась и, вместе с Аней и Эшем, полетела вниз.

Берег наполнился детскими воплями. Падение заняло от силы пару секунд, но дети забылись от страха, они что было мочи кричали во все свои детские глотки. Земля уже было встретила их, когда падение остановилось: оба повисли на толстой ветви у основания дерева, зацепившись капюшоном кофты Эша. Да, в течение всего «полета» они друг друга не отпустили.

– Прыгай быстрее, не могу держать! – простонал мальчик. Он ощущал, что рука сестры выскользывает.

Она глянула вниз: почти «приземлились». Прыгать было не опасно, что она ловко и сделала. За ней последовал брат, то есть мешком плюхнулся на землю.

Аня дрожала от пережитого, полная впечатлений. Нервно засмеялась: отсюда снизу высота, на которой они находились мгновение назад, казалась не такой уж и страшной. Эш тяжело дышал и размазывал сопли.

– Ты как? – выдохнула сестра.

– Нормально, – последовал ответ, – Зачем ты мне руку тянула? Я бы и сам забрался!

Слова ее зацепили.

– Да ну?! Если бы не я – ты бы разбился! Я тебя спасла, так-то!

– Ни фига! Я вон ухватился! Вот почему не разбился!

По правде если, то он смутно помнил каким образом зацепился, но знал, что именно он удержал сестру.

– Ой, ничего не ты, случайно фуфайка твоя цепанула ветку, делов-то! – парировала девочка.

Но как-то спор сошел на нет, они шустро пришли в себя и глуповато заулыбались. Вероятно, не стоит больше залезать на это дерево? Нет, куда там! Желание его покорить у обоих лишь увеличилось.

– Знаешь, давай завтра со стороны обрыва попробуем. Кочек больше выпирает, по ним проще карабкаться, – предложил брат.

Аня задумчиво зашла за дерево, проверяя сказанное братцем, оценила кору.

– Можно. Тогда кроссовки надену другие, а то в этих неудобно, – проговорила она, но мысли ее были уже не о дереве и не о глупых играх.

Поднялся ветерок, шум океанских волн зашуршал ощутимее обычного, богатая листва дерева задрожала, зашелестела, древесина потрещала, но ветер унялся, и сонная теплая тишь вернулась в это место.

– Эш, – позвала девочка. Тот закинул пухлые, короткие руки за голову, загнул пухлую ногу на ногу и лежал на земле.

– Чего?

– Ты спросил вчера у бушки и деда почему нам сюда нельзя?

Брат сорвал травинку и стал ее лениво пожевывать. Точь-в-точь как корова, подумала Аня.

– Ничего нового, – тут он придал своему голосу бабушкину интонацию, – «подрастешь – поймешь».

Девочка скривила мину, поковыряла кору, прошлась вокруг столба и плюхнулась рядом с братом.

– И мне они то же самое говорят. А ведь вообще-то мне тринадцать.

– Я у ребят поспрашивал. Как мы и думали, толком никто не знает почему берег с деревом этим так уж запретны. Возможно, из-за Дурачка. Хотя он обычно спокойный... В детстве, когда маленький был, думал, что здесь монстры водятся.

– А мне в детстве здесь призраки мерещились. Ксюша недавно говорила, что ночью тут кто-то иногда стоит, – сказала Аня.

– Кто? – мальчик приподнялся.

– Говорит, не знает. Говорит, видела чей-то силуэт.

– Типа призрак что ли? – спросил Эш деланно ровным голосом.

– Призраки просвечивают, – ответила сестра, – А тот плотный.

– Призраков не существует. Как и прочих привидений, – веско ответил брат и лег обратно.

Девочка же промолчала. Вместо этого тихо наклонилась к брату, резко схватила его за плечи и страшным голосом крикнула: «Бу!».

Эш встрепенулся, ойкнул, неловко повалился на бок. Она засмеялась.

– Тоже мне, скептик.

С легкой улыбкой Аня следила как зардевшийся братик отряхивается.

– Шутки у тебя дурацкие. Сама сюда ночью сходи.

Аня сладко зевнула.

– Фиг нас кто ночью куда отпустит, сам знаешь. Мимо бабули не проскользнешь, не раз пыталась. Она будто и не спит никогда.

– Эх... Вечно взрослые чего-то скрывают! Надоели, – проворчал Эш, – Подрастешь – узнаешь, вырастешь – поймешь. Если я сейчас хочу все узнать? Знание не должно быть запретным, блин! А, да, чуть не забыл: я же вчера из дедовской библиотеки стырил две книги.

– Ну?! И ты молчал? Какие? – поинтересовалась сестра. Нельзя сказать, что она много читала или испытывала к такому времяпрепровождению хотя бы мизерный интерес, но порой

в ней просыпалось отдаленное подобие любви к познанию. Да и Эш, несмотря на то что был младше на три года, по многим вопросам стал на порядок осведомленнее, что девочку, разумеется, порядком бесило.

– Чего-то про историю развития административно-правовых актов Республики за девятнадцатый век... Или восемнадцатый, не помню. Толстенный том, думал что-то интересное, а оказалось это. Пролистал: сплошная нудятина, цифры, слова непонятные, – недовольно проговорил Эш, – А понятные же так поставлены, в таком как бы значении, что становятся непонятными. Бессмыслица добавляется и от старых правил. Например, чтобы раньше переехать в другую страну, тебе требовалась настоящая куча документов. Самых разных. Я читал, читал, но не до конца понял сколько. Представляешь? Мировая Республика, а мир людям был закрыт.

– Мы в лицее проходили, да, – нетерпеливо кивнула Аня, – Ты лучше скажи о чем второй?

– Второй? – переспросил Эш, но наигранно, как-то по-детски придавая себе важности, – А ну второй так, ерунда. Про вторжение Баха, – спокойно ответил брат и спокойненько так потянулся.

Аня за секунду оживилась, аж подскочила.

– Да ладно?! – воскликнула она, – Про войну? Первую или вторую?

– Я ее сразу под подушку спрятал, прочесть не успел особо, но вроде про первую, – улыбнулся Эш, – С картинками, с фотографиями, с картами. Там такое... У-у-х!

Глаза у Ани окончательно загорелись.

– Здорово! Дашь почитать?

– Конечно, – не мудрствуя лукаво ответил мальчик, – Но сам сначала закончу ее. Там реально именно то, про что нам не рассказывают и про что сейчас в Сети материалов не найти... Но будь внимательнее, пожалуйста. А не как в прошлый раз с «Черным списком джиханов». У меня до сих пор отметины от бабушкиного ремня. Делов-то было – ее поглубже в матрац пихнуть!

– Да, знаю, не бурчи, – примирительно проговорила девочка и легонько стукнула братца по пухлому плечу.

Пару недель назад дед с бабушкой, – вернее бабушка, – нашли у них одну из книг, которые дети при первой возможности брали, а точнее «заимствовали» из шкафа. Глупо говорить, что им сильно влетело, намного сильнее обычного, особенно Эшу, – именно в его кровати, в грамотном, как ему казалось, тайнике, нашли чтиво. А нашли, потому что Аня плохо спрятала. Почему последовала столь строгая реакция, дети не очень понимали: в книге не нашлось ровным счетом ничего особенного или мало-мальски любопытного, кроме нечетких фотографий давно исчезнувших людей, с краткими биографиями, да цифрами рядом с фамилиями. Насколько дети смогли выяснить, книга предоставляла перечень тех самых бандитов, пиратов, бунтарей и некоторых революционеров, которые когда-то устроили Великую Войну. Но почему из-за всех этих давно канувших в прошлое персонажей причинное место Эша отведало плотнейшую порцию ремня, – все равно детям до конца ясным не представлялось.

– Не бурчи, – повторил брат недовольным тоном, – Сидеть до сих пор нормально не могу!

– Ой, прекрати. Ты мальчик или кто, елки-палки? Разнылся прямо, – ответила сестра. Ей и впрямь было его искренне жаль, бичевание происходило на ее глазах, она сама потом помогала обработать его ссадины и с легким ужасом оценила жестокосердную руку бабули. Но не говорить же о своей жалости ему открыто и уж, конечно, не извиняться!

Поляна вокруг дерева наполнилась цветами и зеленью, поэтому Эш без труда сорвал очередную травинку, умело достал из нее тонкий стебелек и начал пережевывать.

– У меня есть кое-что в качестве примирения, – начала сестра.

Пока Эш явно заинтересованность не проявлял, целиком поглощенный обидой.

– Про верхнюю полку-то помнишь?

Брат на секунду остановил ход челюстей, стал подозрительно коситься в сторону сестры, как бы и не смотря на нее.

– Я тут подсуетилась и вот, – она достала из кармана шорт маленький резной ключик, – Сегодня думала заглянуть.

Эш от удивления выпучил глаза. Забыв о своей растительной жвачке, он заворуженно смотрел на ключ.

– Как? Как... Ты в курсе что теперь будет? Они ж наверняка... – начал брат, но Аня его остановила.

– Ничего они не обнаружат. Это – не настоящий ключ, а его копия, – с гордостью ответила сестра.

– Типа дубликат?

– Ну да, типа он, – буркнула она с тонким неудовольствием. Вечно брат умничает, когда не нужно.

Насквозь веснушчатое лицо мальчика зарделось от волнения. Он подполз к сестре и дрожащей рукой взял черный ключик. Странно держать наконiec в руках предмет вожделения последних двух лет. Два года! Целая ж вечность!

Ане было приятно наблюдать за такой реакцией, пусть виду девочка не подавала. Она в общем-то подобного и ожидала, но одно дело ожидать, другое дело – получить.

– Дед на прошлой неделе уезжал с па и ма, помнишь? – начала сестра.

Эш кивнул и превратился в слух.

– Ты пошел ловить рыбу. Забыв позвать меня... А я лежала и думала чем бы заняться. Но меня нашла *бушка*, приказала сходить на рынок, купить хлеба, овощей и рыбы, – она опять тогда удумала приготовить своего этого карпа королевского. Я решила не перечить, потому что скука стояла смертная. Уже выхожу на улицу как замечаю на столе, прямо в коридоре в вазе лежит ключ. Представляешь?

Брат молча улыбнулся, с неподдельным интересом слушая сестру.

– Выдался редкий случай, когда ба сняла его с шеи. И я, недолго думая, схватила его и побежала на рынок.

– Она что, забыла его по обыкновению на шею повесить? – спросил Эш.

– Видимо, забыла, – пожалала плечами сестра, – На рынке же я первым делом побежала к...

– Ключнику, – закончил брат, перебив сестру не из невежливости, а скорее от нетерпения.

– Точно! – подмигнула Аня, – Наплела ему с три короба, что ключи потеряли, что замок новый, все в таком духе. И вуаля, «ключ готов, дорогуша, в следующий раз, будь внимательнее». Спасибо, отвечаю, конечно буду.

Дети с ехидцей засмеялись.

– Вернулась, как ни в чем ни бывало, положила бушкин экземпляр в вазу и все.

– А почему только сейчас сказала? – подозрительно прищурился брат.

– Сам же придумал: в таких вещах чем меньше народу знает, тем лучше. Я ждала неделю, хотела точно убедиться, что временную пропажу не обнаружили, и вся потеря ключа не подстроена. А то ведь знаешь бушку-то, – ответила Аня, взяла ключ и спрятала его обратно в карман. – Но наверно можно точно сказать, что не спалилась.

Дети медлили. Первым решился, как ни странно, Эш.

– Когда?

Аня придвинулась ближе, так что ее вечно встрепанные, длинные светлые волосы щеко-тали ему нос.

– Сегодня. Лучше вообще перед обедом. Деда и ба пойдут встречать родителей, дом будет свободный, можно беспрепятственно залезть, – ответила Аня.

– Они наверняка возьмут нас с собой, – парировал брат. – Одних в доме нас не оставляют, ты же знаешь.

– Хорошо, но пара минут для того, чтобы подобраться к верхней полке, в темпе открыть ее и взять содержимое у нас будет, – упрямо сказала сестра.

– Кто-то должен стоять на стреме или отвлекать стариков, – Эш начал лихорадочно размышлять и планировать. Аня поняла это по его характерному для таких ситуаций выражению физиономии. – Забираться к шкафу должна ты. У тебя получится притче.

Она молчала. Когда доходило до дела, братец мог откинуть и личные чувства, и обиды. Она действительно лучше лазала, была на порядок ловчее, чем он, сколько бы Эш не спорил. Плюс она элементарно выше его на голову, что также повышало ее шансы. Едино для того, чтобы дотянуться до верха шкафа, Эшу бы понадобилось в разы больше времени.

– Я буду заговаривать им зубы, постараюсь вывести из дома хотя бы на пару минут, – продолжал брат. – Пока они собираются, пока выходят, пока дед найдет свою трость и все такое, у тебя будет время. Думаю, минута или две.

– Мне за глаза хватит, – проговорила Аня, надувшись от самоуверенности.

– Не забывай, что мы не знаем о содержимом верхней полки, – напомнил брат и лицо Ани поугасло. – Там может быть что-угодно, от громадного фолианта, весом в пять кило, до мелкого камушка. Или браслет или кольцо, или оружие... Или что-угодно.

– Мы, кажется, с тобой условились, что в той полке лежит книга, – недовольно буркнула девочка.

– Наши фантазии и предположения, не более. А сейчас надо по-настоящему посмотреть на вещи, – брат приложил кулак к губам и задумался совсем вроде как взрослый. – Если увидишь, что груз тебе не по силам, – сразу вали! Перед этим закрой и полку, и шкаф.

– Без тебя бы не догадалась никогда, – усмехнулась Аня, про себя явственно понимая правоту и дальновидность брата.

– Самое главное, что у нас есть ключ. Найти самую возможность проникнуть в шкаф намного легче, – закончил Эш, покусывая большой палец. – Не получится сейчас, попробуем позже. Потом не выйдет, снова попытаемся. Главное не дать виду, что у нас...

– Да, да, есть ключ. Я поняла, ага.

Дети помолчали. Им предстояло серьезное дело и, как обычно в таких ситуациях, оба замолкали, чувствуя друг друга без слов. Эш посмотрел на часы. Они бесстрастно показывали половину второго.

– Потопали домой, – предложил он. – На месте посмотрим что как.

Ребята поднялись с теплой, мягкой лужайки, бросили взгляд на верхушку дерева и, собственно, «потопали» домой, волнуясь от предстоящей авантюры и переживая о том не заметил ли кто, что они были в этом почему-то запретном месте.

...А дерево же все стояло, бесшумно ловя с океана зефиры, млея на солнечных лучах, поигрывая на ветру своим темно-зеленым шатром. Оно стояло на краю своего опушенного разноцветной растительностью обрывистого берега, который был вольно набросан по водной сини, будто исполин наклонился и песочным мелком желал обвести остров беглой, летучей чертой, но вдруг задумался да так и закончил. Вокруг всегда царила густая тишина, изредка разбавляемая шелестом волн, шелестящим шепотом листьев, кликами далеких птиц, жужжанием жуков, мягчайшим шуршанием травы. Фривольно цветущие молочно-белые асфоделусы, кроваво маки, небесно-синие ирисы мерно и полусонно покачивались, поддаваясь ветрам, подчиняясь теплу и тишине. Рядом с этим местом дети не слышали посторонних звуков, кроме звуков природы.

Дети не слышали.

– Вечно ты копаешься, Ал! Куда опять палку подевал? – недовольно прикрикивала пожилая женщина, в черной шляпке и кремовой легкой накидке.

– Ах, не кричи, прошу. Сейчас найду, – прохрипел мужчина весьма преклонных лет, неуклюже хромая в прихожей.

– Быстрее давай, ну сколько можно! Каждый раз говорю тебе: клади ее в одно место, клади все в одно место, нет, ты постоянно кидаешь клюку свою куда ни попадая, потом ищешь, а мы опаздываем. Опаздываем! Их корабль вот-вот прибудет! – продолжала женщина. Она поправила шляпку у зеркала, провела рукой по шее: тоненькая веревочка с ключиком висела на месте.

– Они не маленькие, не потеряются, у них у самих дети вон, – ответил мужчина. Его разукрашенная, черная трость оказалась между комодом и стеной.

– Кстати, – опомнилась его собеседница. – а где они? Дети эти?

– Тут я, ба, – ответил Эш. Шнурки на кроссовках давно были завязаны, однако он делал вид, будто продолжает накручивать эглеты в узлы.

– Так, а где Анна? Где, а? Анна! Анна?! – старушечий голос уверенно пробежался по всему дому.

– Она в туалете, бабуль. Сейчас придет, – сказал мальчик, хотя сердце его стучало все сильнее.

Женщина покосилась на мальчика. Потом поглядела на висящие маятниковые часы.

– С вами со всеми нужно за час собираться, черт возьми! – недовольно проговорила бабушка, всухую шмыгая носом, напоминающим сморщенный клюв. Она уткнула руки в сетчатых перчаточках в боки и стала ждать внучку.

– Давай выходить. Оглянуться не успеешь, Анька нас догонит, – сказал мужчина, подхрамывая к двери и едва открыл ее, как рука женщины его остановила.

– *Нет, мы подождем*, – голос бабушки прозвучал более, чем странно, как показалось Эшу. Дедушка немного нахмурился, но спорить не стал.

Эш прислушался к звукам за дверью в гостиную. Эта тонкая деревянная дверь разделяла их и Аню, которая, – как очень надеялся мальчик, – к настоящему моменту успела забраться в шкаф, вытащить содержимое, все спрятать, – причем желательнее, – и сейчас на всех парах бежала в коридор, не забыв забежать в туалет, чтобы смыть бочок.

Эш сидел, тупо уставившись в пол. Все собрались, ждали Аню, от которой не исходило ни звука. В доме было совершенно тихо, оглушающе беззвучно. Тяжелая секундная стрелка маятниковых часов вкрадчиво отмеряла: тик-так, тик-так, тик-так...

– Где твоя сестра, Эш? – медленно проговорила бабушка. Он практически почувствовал ее взор на себе, уши и щеки у него, как обычно в такие моменты, начали гореть и краснеть.

«Где же ты, чего так долго?! – лихорадочно думал он. – Ведь договорились же, если не можешь унести, то сразу все сворачиваем».

Дедушка долго стоять не мог. Рука с тростью задрожала, он закричал, достал платок, промокнул лоб. В доме было жарко, собственно, как и везде. Лето все же.

– Садись, дед, – Эш быстренько уступил место и пошел к входной двери, только бы как-то вырваться из-под очей престарелой родственницы.

– Да седи, я на улицу выйду лучше, духотища не могу.

– Так, все, сейчас она получит, – бабушка не выдержала и решительно направилась в глубину дома.

Послышался характерный звук смываемой воды, хлопанье омываемых якобы рук. Пара секунд и дверь открылась, являя белокурую Аню. Она совершенно хладнокровно зашла в прихожую, вытирая руки о шорты.

– Почему так долго, молодая леди? – грозно спросила бабушка. – Приезжают родители, ты же знаешь? Чего ты там делала?! М?!

– Чего я делала в туалете? – переспросила девочка с дерзким сарказмом.

– Роза, все, слушай, отстань от них, – дедушка прихватил жену, уже было вздувшуюся от возмущения, и повел к выходу. – Пойдем, хватит скрипеть. А вы, бандиты, шустрее догоняйте.

Стоявший у выхода Эш слабо их слушал, больше сосредоточенный на сестре. Он буквально сгорал от любопытства. Но по Ане совершенно ничего нельзя было сказать – ни один мускул не дрогнул на лице, когда она заходила; ни одна нотка не дрогнула в голосе; при ответе бабушке, ни одним движением она себя не выдала. Чего он, к своему смущению, не сказал бы о себе. Уши горели до сих пор.

Наскоро собравшись и одевшись, они направились вслед за родственниками на причал, куда обещал приплыть корабль с родителями.

Многозвездная лунная ночь сгущенною массою накрыла городок, окутав его темным одеялом. Ничто не нарушало сон людей. В домах царил сумрак, вокруг – пустота.

Но в одном доме, если присмотреться с улицы, в крайней комнате мелькал слабенький огонек, пульсирующий и точно приглушаемый чем-то. Из этой комнаты, если подойти поближе, слышались приглушенные звуки шепота, взволнованные и жаркие.

– Дай я буду лампу держать, Эш, а ты читай!

– Фонарик что ли найти не могла?

– Нет у них фонариков, ты же знаешь!

– И почему я читать должен вдруг?

– Я не помню половину слов.

– Ага, думаешь, я их помню?! Деда со мной год занимается, а с тобой четыре, – возразил брат.

– Ну так ты же у нас делаешь большие успехи в языках, а не я, – ядовито возразила сестра.

– Ладно, – нетерпеливо согласился брат. – Лампу держи повыше. Ага, вот так, да. Значит... Эм.

Он сосредоточился. Исписанные чьей-то рукой пожелтевшие страницы упрямо не пускали в себя. Автор объяснялся на древнем, невероятно старом языке, овладеть которым считалось настоящим искусством. Он, язык этот, в недавнем прошлом находился на околзапретном состоянии. Потом, после Революции, пришла эпоха «бума» по изучению всех текстов на этом дремучем наречии. Одним из корифеев переводческого дела тридцатилетней давности явился их дедушка – Александр Иан де Лиотар. Он же загорелся идеей обучить ему и своих внучат. Тот факт, что в настоящий момент язык толком не пользовался популярностью и стремительно отмирал уже по-настоящему – этот факт их деда не волновал.

Но пускай дети занимались его изучением, порой усердно и прилежно, однако столкнувшись лицом к лицу с настоящим текстом, а не с упражнениями из учебника, оба почти что расписались в собственном невежестве. По сравнению с дедушкиными учебными тетрадами, где сменяли друг друга простые тренировочные предложения, толстенная кипа бумаг обладала на порядок большей сложностью. Трудностей добавлял и почерк: широкий, извилистый, местами грубый, рубленый, но где-то прециозный, чуть жеманный, некогда, видимо, нелишенный каллиграфичности, словом – одновременно изысканный и варварский, и тем особенно как-то неудобный.

– Значит... Смотри. Все идет от первого лица... – начал Эш.

– Да ты не пересказывай мне, а читай. Я и сама вижу местоимение «я»! Причем почему-то с большой буквы. – зашептала Аня, обдавая теплом щеку брата.

– Да, да, – голос мальчика был рассеянным. – Погоди. Значит... Итак: «Моя история начинается не с... меня». Да, «не с меня». «Однако»... чего-то потом не пойму, «что на мне она заканчивается». «Поэтому», хммм, не знаю слова, написано неразборчиво, «Я и опишу ее тебе».

– В смысле? – сразу переспросила Аня. – Кому «тебе»?

– Ну я-то откуда могу знать, Ань? – переспросил мальчик, сосредоточенный на тексте. – Не перебивай, будь добра.

– Хорошо, хорошо.

– Лампу выше!

– Так?

– ... «Времени у меня осталось немного и эта»... Ансуал. Тетрадь? Или учебник?

– Учебник, вроде, – неуверенно подсказала девочка.

– В общем, не суть, допустим, тетрадь, короче «тетрадь служит»... Нет, «послужит»... Снова не знаю, потом «моего...»... Ай, не пойму эти каракули, что за почерк?! «И пропуском многих деталей», снова окоlesiца, «но все-таки незначимых в общей картине»... Ой, данное слово первый раз вижу.

– Ты уверен, что вообще чего-то учишь, а? – не удержалась девочка.

Эш засопел и в упор посмотрел на сестру. Под одеялом было и неудобно, и душно, и тесно. Лежа вплотную, они кое-как приспособились для чтения.

– Ну сама валяй переводы тогда! – он перешел с шепота на тихий голос. – Умная нашлась.

– Все, все дальше давай, не хнычь!

– А я не хнычу!

– Дальше давай! Хос-спади!

– ... «Возможно, многое ты»... Ммм... Ниал? Знаешь, вот! «Возможно, многое ты знаешь», потом... «многое не знаешь, а некоторое тебе не хотелось бы знать», дальше неразборчиво...

– Да кто же этот таинственный «ты»? – сестра нахмурилась, и сдула ниспавшую челку. – Постоянно «ты», «ты», а имя не называет. Письмо что ли какое-то?

– Нет, вряд ли. Смотри сколько тут страниц. Для письма перебор.

Ребята задумчиво смотрели на листы. Как сказала Аня, самым трудным стало не открытие верхней полки, а удержаться от желания чихнуть: когда она залезла, оттуда комьями повалила пыль. Поэтому девочка так долго не выходила, – пришлось в скором темпе вытирать ее отовсюду. Пачка бумаг была нетяжелой, сами листы скреплялись прочной бичевкой. К неимоверному разочарованию ребят, текст шел сплошь на другом языке.

– Пока что все звучит, как вступление, мне кажется, – сказал наконец Эш.

– К чему интересно? – прошептала девочка глядя на чернильные строчки.

– ... «И все же Я напишу все так как было и»... «Постараюсь не»... «и не...»...

– Улетно переводить.

– Иди ты, честно! «...Великое, а ты помнишь, всего другого было в...»... Ну думаю, «было много»... «Основной целью моей»... «станет такая простая и...»... Эммм... «такая сложная вещь, как...».

– Как что? – шепот Ани был настойчив.

– Тралсум... Не могу, блин, вспомнить! Тралсум... Тралсум... Знакомое слово, до боли, – простонал Эш.

– Правда. «Основной целью моей... чего-то там... станет такая простая и сложная вещь, как правда», – подсказала Аня.

– Точно! Спасибо! Значит далее: «Достаточно было... в прошлом, чтобы нести их... в то ..., которое мы вместе построили... жутких ... и многих потерь. В итоге...»... Нет, «в конце концов... не исправила, а только смягчала»

– Может, «смягчала»?

– Да, «смягчала»... На «короткое» вроде «время ненавистную»... Тралсум... «Правду».

– Ненавистную правду? – переспросила сестра. – Кому же она ненавистна?

– Ты что, взрослых не знаешь? – усмехнулся мальчик.

За окном послышался скрип, потом отдаленный хлопок, чье-то мычание. Где-то залаляли собаки, кто-то в доме закашлял. Зашумел ветер, что-то заскрипело. Из маслянисто-густой темноты ночи, разбавленной лунным светом, вылетела юркая ласточка и резво прыгнула на подоконник детской комнаты.

Дети, пусть и напрягшиеся от всевозможных звуков, готовые сразу же свернуть свое переводческое предприятие, затаили дыхание, но не убрали лампу и не изменили положения.

– Это похоже дневник, – шепнула Аня, едва не уронив их тусклый источник света. – Рука затекла. Дай отдохну.

– Но чей? И кому автор писал? Зачем?

– Наверняка кому-то близкому, но тут важнее для чего он это настрочил.

– Смотри, выше пишет, что «времени осталось немного». Возможно, он уезжал и решил написать близкому человеку.

– Ага, такую-то пачку? Перед отъездом? На сорминорском? – улыбнулась девочка, неспешно сжимая-разжимая руку.

– Согласен, глупо, но мы можем пока лишь гадать, – Эш вздохнул и подпер рукой толстую щеку.

– Поехали дальше, – Аня взяла светильник и приблизила к рукописи.

– ...«Также, хотел бы сразу сказать одну вещь»... «конечно, тебе лично, однако»... «это невозможно, да и»,... «действие было бы разумно». У писателя такой странный и кривой слог, кошмар. То ли красуется, то ли человек был очень непонятный.

– А может и не человек... – шепнула Аня.

Неуверенный свет в лампе задрожал без каких-либо видимых причин. Дети затаили дыхание, хотя вокруг не было ни ветерка.

– Ты о чем? – спросил брат, искренне не понимая сестру. Но Аня лишь нахмурилась, покачала и кивком указала переводить дальше.

– Ого, тут дальше перечеркнуто. – Эш посмотрел сквозь страницу на свете лампы, – Нет, не разобрать. ...«Избавить лист от... букв и ум от...», «напишу вот что: один»... Ого, гляди, слово «журналист» он написал на обычном диалекте, видимо, на сорминорском аналога нет.

– А может он сам не знал, – сказала Аня. – И с чего ты взял, что это «он»?

– Предположил... «журналист... несколько дней тому назад, задал мне такой вопрос: «... возможность прожить свою жизнь заново и исправить в ней что-нибудь, то что»... Хм, ну, наверно, «что исправил бы». «И знаешь каков был мой ответ?»...

Брат замолчал. Сестра следила за его переводом и тоже застыла на последнем слове первой страницы.

– Ну и? Каков? – прошептала Аня.

– Без понятия, – едва не плача пропыхтел мальчик, он силился вспомнить или додуматься до значения слова, но ни малейшей идеи в голову не приходило. Аня тихонечко, в кулак, хихикнула.

– На последнем слове, – от досады она перешла на шепчущий голос. – Самый ответ его.

– Он ответил «ничего», – сказал дедушка, усаживаясь на стоящее рядом кресло, закуривая трубку. – Ничего бы он не изменил в своей жизни.

10 Год Новой Федерации

Одна из башен Совета

Мокнул ручку в чернильницу. Он все же решил начать, ибо пустой листок ощутимо давил. Начать с глупых и банальных слов, но, опять же, какие слова не банальны в начале?

«Моя история начинается не с меня. Однако так получилось, что на мне она заканчивается. Поэтому ниже Я опишу ее тебе.

Зачем?

Говорят, что человек пишет мемуары, – а для простоты давай назовем это именно так, – когда хочет оправдаться за свои поступки, уж если не перед другими, то перед самим собой, как минимум. Времени моего осталось немного, и эта весьма веская причина послужит оправданием моего корявого слога и пропуском многочисленных деталей, немаловажных, но все-таки незначимых в общей канве повествования. Возможно, многое ты знаешь, многого не знаешь, а некоторое тебе не хотелось бы знать вовсе.

И все же Я напишу все так, как *было* и никак иначе. Постараюсь не приукрашивать заурядное, не преуменьшать великое, а ты помнишь: всего случилось в избытке. Основной целью моей писанины станет такая простая и, одновременно, такая сложная вещь как правда. Достаточно хранилось тайн и недомолвок в прошлом, чтобы нести их смрадный груз в то переливающееся светлыми оттенками будущее, которое мы вместе построили. Хотя нет, скорее «вырвали». Вырвали ценой столь грандиозных усилий и в пору им потерь. В конце концов, ложь есть скоротечное обезболивающее, на долгую перспективу она никогда и ничего не исправляла, а только смягчала на короткое время ненавистную правду.

Также, хотел бы кое-что сказать в дополнение желательного, конечно, тебе лично, однако, увы, такое невозможно, да и, по правде говоря, не думаю, что данное действие было бы разумно, и уж если на прямоту, не очень того и хочу».

Он на секунду задумался, снова насыщая ручку чернилами. Осторожно стряхнул черные капли и принялся писать дальше.

«Воспринимай сей текст, как оброненный золотой, который нашли при помощи грошовой свечки».

Он остановился. На секунду задумался, после чего резко и тщательно перечеркнул написанное. Снова обмакнул ручку.

«Словом, чтобы избавить лист от ненужных букв, а ум – от тривиальных словосочетаний, напишу вот что.

Этот забавный журналист несколько дней тому назад задал мне следующий вопрос: «Если бы ты имел возможность прожить свою жизнь заново и исправить в ней что-нибудь, – хоть что-нибудь, – то что бы это было?». И знаешь каков был мой ответ? Ничего.

То есть: «Ничего»...

Глава 2. Новости и больница

*Светлый взгляд радует сердце, добрая весть утучняет кости
Притчи, гл. 15, ст. 30*

Просыпайтесь, молодой человек. Поднимайтесь. Хватит стоять на краю бездны. Никто не может заставить вас, никто не в силах принудить вас делать выбор.

А выбор – штука тонкая. Меня извиняет факт, что вы не одним лишь благодаря своим усилиям пришли сюда. Вследствие этого, а именно жизни под ярмом несобственных решений, ваше положение горемычно. Ни жив, ни мертв – пикантное состояние, согласны? Царство теней – ваша нынешняя вотчина. Вы видите сны о мировой тени, сотканые из тьмы... Ах, простите меня за многословность, не часто выпадает шанс перекинуться парой слов с наилучшим из слушателей – тишиной.

Да, согласен, что неприлично с моей стороны, можно сказать, по-варварски эдак неэтично и грубо врывать в мысли кого-то, кто столь долго борется с самим собой. Потратив уйму времени, дабы, наконец, окончательно выбрать: жить или умереть.

И вот что я вам укажу: *вы должны жить*, молодой человек. Ваш путь... Он далек от завершения. Или, во всяком случае, ему не суждено оборваться именно здесь и сейчас. Не в этой палате, не в этой лечебнице, не в этот миг.

Разумеется, нельзя не признать: миру вы отдали ужасно много самого себя. Достаточно боли, мучений, страданий, сотворили немало действий, разного качества; пролили много пота, слез и крови.

Вне каких бы то ни было сомнений, вы заслужили отдых. Вы заслуживаете отдых. У вас есть всеполнейшее право на шаг вперед. Во тьму.

И вы уже не боитесь ее, старушки смерти, вопреки инстинктам, заложенными природой. Вы видели чрезмерную долю жизни, чтобы бояться этого жалкого пустяка, известного как «Смерть».

Клятвенно божусь: мне претит, что я должен чуточку попридержать вас за плечо и вернуть назад. Подобное недопустимо, да чего уж – непростительно с моей стороны. Мне стыдно, противно от самого себя.

Но вы должны жить. О, вы истинно обязаны хотя бы чуть-чуть пожить.

Я молю вас о прощении, молодой человек, ведь я знаю, – несмотря ни на что, в вашем сердце осталась прорва места для этого неземного чувства, – прощения.

Также лъщу себя надеждой, что вы не держите на меня зла за мое весьма фамильярное обращение к вашей персоне. Количество солнц, кое вы зрели, позволяет мне величать вас мужчиной. Мужчиной у седых вершин старости.

Но все относительно, и ваша старость относительна, к примеру, моей. Как собственно моя, относительна некоторых и многого. Особенно в масштабах космоса или интеримарной бесконечности... И потом, неужто людей, подобных нам, заботит возраст?

Итак, восстань, юноша. Восстань, недобитый солдат, кровавый осколок прошлого, поднимись и снова приди туда, где ты нужен. Точнее, как раз НЕ нужен.

Ведь история не единожды показывала: именно ненужные люди и в самое ненужное время делают наиболее нужные вещи. Ирония. Но не является ли сама жизнь своим фактом существования ироничной насмешкой смерти?

Ко всему прочему, согласитесь, что умереть в забвении – скучно, безвкусно и неэстетично, как считаете?

Посему подъем, солдат. Хватит лежать, да бесцельно дышать. Вы нужны нам.

Между прочим, он тоже хотел с вами перекинуться парой слов, именно он настоял на вашем... возвращении. Он тоже готовится вернуться. Хотя он даже более лишний, чем вы. И чем я. Лишнее перегружает. Но при пустоте именно лишнее вносит наполнение. Мое скромное суждение.

Но я настоял на своем *ergo sum*, чтобы не напрягать вашу и без того вымученную душу ненужными переживаниями. Пусть вы бы сейчас его не вспомнили. Как, впрочем, и он вас.

Что ж, пожалуй, буду закруглять ненужную прелюдию. Длинные вступления к любым пьесам – признак дурного вкуса или слабого сюжета. Не нужно утомлять и без того вечно утомленных зрителей.

Приходите в себя, юноша. Поднимайтесь, молодой человек.

Желаю с привычной доблестью отыграть на этом нашем фальшивящем пианино отведенный вам кусок пьесы.

Потому как больше некому.

Повторно прошу извинить за мое вмешательство.

За сим, – прощаюсь.

??? Год

Местоположение – ???

Темнота.

Нечто, позволяющее осознать себя, вспыхнуло быстро, но оформлялось очень медленно. Никаких связей с тем, что снаружи. Наружная реальность казалась чужой. Ни звуков, ни воздуха, ни запахов. Темнота.

Мысли струились пустым потоком вокруг идей: где я? Кто я? Что я?

Голова. Воспоминания о голове, как о человеческом органе. Человек. Чувствует глаза. С непривычки пытается их открыть. Трудно, веки не слушаются, дрожат.

Открываются. От внезапного оглушившего света стало дурно, кишки скрутило, живот сковало тошнотой. Пока лучше закрыть.

Живот, желудок, кишки. Чувствует ноги, шевелит пальцами на них.

Осознание себя, но соединиться с собой не получается. Словно внутри тела кто-то чужой. И само тело чужое.

Руки. Да, на них тоже пальцы. Также шевелятся. То же ощущение. Но почему-то слегка другое.

Ощущения...

Тепло. Тело лежит. Чем-то накрыто. Воздух приятный. Воздух вдыхается.

Осознание того, что дышишь. Делаешь глубокий вдох.

Воздух теплый, но в нем есть несвойственная помещению прохлада. Понимание того, что здесь есть окно, оно открыто.

Вторая попытка приподнять веки. Аккуратнее, аккуратнее, ага, та-а-ак...

Потолок. Белый. Просто белый потолок. Кругом солнце. Все окрашено его лучами. Значит, есть небо, есть звезды. Есть солнце.

Глотаешь слюну. Во рту сухо, горло с трудом производит движения кадыком.

Переводит взгляд влево. Небольшой столик. На нем вазочка, в ней три разноцветных цветка. Один завял. Сзади столика – окно. За ним – деревья, синева небес. Такое далекое, такое чистое и какое же оно яркое. А что за небом?...

Снова утыкается в потолок.

Морщит лицо. Чувствует щеки, губы. Двигает языком.

Поворачивает голову вправо. Какие-то приборы, проводки. Тянутся, тянутся, длинной своей утыкаются в правую руку.

Ощущение дискомфорта от иголок.

До слуха доходит звук: мерное попкивание.

Тиин. Тиин. Тиин.

И звуки птиц за окном. Почему-то жизнь за этим окном заставляет дышать тверже, глубже, увереннее. С некой целью.

Взгляд опускается от потолка в стену. Картина. Опять цветы. Подсолнухи.

Смотришь ниже: белое, кристально белое одеяло. Видны выпуклости ног.

Ты лежишь в больнице. Больница? Ага, больница. Что у тебя болит? Вроде ничего.

Тогда зачем ты здесь? Почему? Как долго?

А самое главное: кто ты?

Ты чувствуешь слова, под словами – категории понимания вещей. Глаза, руки, ноги, стол, цветы, окно, небо – вещи, предметы. Значения, подразумеваемые под ними ясны. Мысли бегут на каком-то языке. Какой он? Можешь ли ты помыслить на ином? А если произнести слова? Любые.

– Х-х-х...

Закашлялся, горло сдавил спазм. Снова поюлозил по рту языком, широко открыл, потом закрыл челюсть.

– Х-хочу апельсинов. И устриц.

Почему эти слова? Они дурацкие. Но произносить их – невыразимо приятно.

Улыбнулся. Внутри потеплело. Это неловкое движение уголками губ вызвало прекрасные переживания.

...Но все изменилось с быстротой молнии. Некий рефлекс обострил чувства. Улыбка исчезла, как резко выключенная лампочка.

Шаги.

Новые ощущения: мурашки, холодок по спине.

Что-то внутри, глубоко за биением сердца, за дыханием, за животом, за внутренностями, где-то в самом нутре говорило: опасность!

Откуда подобное взялось? Почему?! Звуки шагов. Ну и что? По-прежнему тепло. Тебе хорошо. На улице ветер, слышны колыхания природы, древесный скрип.

Но от шагов становится дурно. Что-то приближается. Кто-то приближается.

Разумеется. Ты же не один такой. Кто-то дышит и видит, у кого-то точно так же стучит и бьется сердце. Идет такой же человек. По-видимому, прямо сюда.

Тук-тук-тук-тук. Звуки четкие. Узкие.

Ты дышишь чаще. Сигналы приборов из гипнотизирующе-монотонных превращаются в частые и неритмичные. Тревожные. Громкие.

Нет! Эти аппараты выдадут тебя. Прячься!

Ты открываешь и закрываешь рот, кусая воздух, дыхание участилось, из груди вырывается сердце. Тяжело совладать.

Пришло, наконец, что-то, что тебе известно, очень и очень хорошо. Чему ты не удивился, что для тебя не явилось некой новинкой.

Шаги у твоей двери на секунду остановились. Все затихло. И лишь предательское «тиин-тиин-тиин-тиин». Толком не осознавая что делаешь, поднимаешь левую руку и пытаешься выдернуть иголки из правой. С непривычки руки тебя плохо случаются, дрожат, неловко дергаются.

Чувство, составляющее твою сущность, побуждает тебя к действиям. Оно укрепляет мысли, концентрирует волю. От него сводит все тело судорогой, но, вопреки ей, ты двигаешься. Ты действуешь.

Двери палаты медленно открываются. Из них появляется голова с длинными волосами.

Ты задыхаешься. Гадкое ощущение заполнило всю глотку, сердце бежит ходуном. Аппарат издает свой писк, оглушая им все вокруг.

Нет! Нельзя лежать! Беги! Что такое бежать?! Неважно! Беги, уноси ноги! Вставай!

Все же иглы поддаются, ты вырываешь их из вены. Но выходит слишком грубо. Ты чувствуешь укол. По руке потекло нечто теплое. Теплое, влажное, темно-красное.

От одного вида жидкости из руки последние силы покидают твоё тело. Едва нашедшее тебя сознание ускользало, как песок сквозь пальцы.

Но оно оставалось. То, что было известно хорошо. Чему не удивился, что не явилось некой новинкой. То, что пришло ожидаемо.

Остался страх.

10 год Новой Федерации

За 18 дней до встречи на земле Судей

Здание Новой Мировой Администрации

Марат оглядывал огромную карту, висящую перед ним.

Карта изрядно поистаскалась, виднелись участки с поблекшей краской, уголки пообтрепались. Да и сама она давно не отражала реальность. Многие наименования поменялись, что по идее, делало ее совершенно бесполезной.

Но топонимика в настоящий момент была не важна. В конце концов, названия на картах просто-напросто отражают победителей в борьбе за движения крови и капитала, иначе – отображают так называемые государственные границы. Той грозной конструкции, которая заполняла львиную долю карты, – больше нет, она уничтожена, истреблена, вытравлена, выдавлена, ластиком стерта. Она, Мировая Республика, осталась только на таких грязных, жалких картах, да в некоторых людях. Таких же грязных и жалких. Но сами-то континенты с ландшафтами остались прежними. Практически. А нации... Что нации? Огромные скопища подонков, навроде него, Марата, гнилых, вшивых, промерзших, которых загнали в определенные ареалы голод, холод, чума и чирьи. Взорвать бы это все к треклятой чертовой матери, взорвать пламенем какой-нибудь одной, – всего лишь одной! – великой идеи, да не хватает уже пороуху.

Так думал мужчина, впившийся, как клещ, в пожухлую ткань огромной карты. Если конкретнее, в одну точку слева: скромную, почти незаметную, одинокую. На ее месте красовалась узенькая, кем-то прожженная дырочка. Это обугленное отверстие выглядело необычайно бедно и пугливо по сравнению с величавыми кусками суши правее.

Тем не менее, Марат смотрел точнехонько на прожженный круглешок.

– Значит, говоришь, заметили движение?

– Да, господин консул, – ответил широкоплечий человек, только и ждавший, когда молчание начальника прекратится.

– Какое именно, понятное дело, неясно?

– Сотрудники успели передать одно это странное: видим движение. На этом все. Связь пропала.

Марат не поменял позиции, никак не пошевелился, стоял, коптил воспаленным взором карту. Но сморщился, как от притерпевшейся зубной боли.

– На Ультимо-Сперанзо дует ветерок, а я должен знать, – прохрипел Марат. – Начался дождь – я в курсе.

– Господин консул, я...

– Но вот там началось «движение», а я стою в неведении. И, следовательно, меня охватывает страх.

– Мы делаем все возможное, чтобы вновь наладить поступление информации. В какой-то мере мы ожидали подобного, когда... придет пора, – голос мужчины звучал уверенно, в

нем не имелось волнения лентяя, плохо выполняющего свою работу и от того вечно боящегося нагоняев от начальства. Ему можно было верить: действительно делалось все возможное, в этом Марат не сомневался.

Но уже поздно. Все его чутье говорило о том, что они опоздали, проспали, – проспали! – нечто важное. Агенты, наиопытнейшие разведчики, самые грамотные специалисты, не могут ни с того, ни с сего взять и в наиболее нужный момент «не выйти на связь». Особенно, если учесть, за кем, а точнее за Чем они следили.

Сегодня, шестнадцатого июля десятого года где-то там, на другом конце планеты невообразимо далеко отсюда, что-то случилось. Остров, находящийся в совершенно непривычном для себя десятилетнем коматозе, ожил, вновь привнося в окружающий мир движение и смуту.

Там что-то зашевелилось. И тут же люди не выходят на связь.

Марат сделал глубокий вздох.

– Ладно, расскажи заново. Детально.

Он прошел к столу, сел, сложил руки, закрыв ими пол лица и оставляя взгляд своих прогнанных глаз на собеседнике. Широкоплечий, смуглый мужчина напротив кивнул и заговорил:

– В ноль часов семь минут по общепринятому времени сего дня мы получили сообщение от агентов, действующих в районе Зеро. Оно гласило, что на объекте происходили, цитирую «нетипичные погодные явления», а сами агенты стали чувствовать себя не очень хорошо.

– Они не объяснили в чем выразалось это нетипичное самочувствие?

– Никак нет, – отрапортовал мужчина. – На наши вопросы о том, что они имеют в виду, четкого ответа не последовало. Надо сказать, что все происходило в течение пары минут. Уже в ноль часов девять минут коммуникации начали давать сбои, агент, последний раз вышедший на связь, торопливо сообщил: «Видим движение». На этом все оборвалось, больше никакой информации не поступало. Связаться вновь не получилось. И до сих пор, то есть десять часов тридцать минут, не получается.

– Голос агента: он был напуган? Вздонован? Или, быть может, рад?

– Мы не зафиксировали каких-либо изменений в речи работника.

Марат опустил руки, склонил голову. Он думал, помощник молчал.

Нельзя сказать, что произошедшее стало неожиданностью. Десять лет они ждали новостей с Ультимо-Сперанзо, десять лет велась планомерная, скрупулезная слежка. Десять лет полнейшей тишины. Десять лет покоя. Всему приходит конец, думал Марат. Что ж, тишина гораздо на многое, но только не длиться вечно.

– Какие меры приняты в связи с произошедшим? – спросил называемый консулом после недолгой паузы.

– К последнему месту связи направлена пара усиленных групп, все средства защиты на ближайших территориях, так или иначе находящихся в нашей юрисдикции, приведены в действие. Оповещены оборонительные силы...

Продолжать мужчина мог долго. Терять на это драгоценные теперь минуты – нецелесообразно.

– Я понял, – оборвал консул.

Мужчина мигом замолк.

– Об этом еще кто-то знает?

– Замять подобное не вышло, хоть мы и перекрыли каналы доступа всем сми, – вина таки просочилась в слова подчиненного, довольно искренняя. Он помолчал и нехотя добавил. – Шила не утаили.

– Однако ж. Какие темпы... Учитесь! За пол дня раструбят всему миру. Сгустят краски, наведут мраку и ужасу. С упоением взвалят все на нас, придумают какую-нибудь вину. И ее повесят. Заставили их умы клекотать.

– Пока что говорить о какой-либо угрозе со стороны Зеро нельзя, – немножко упрямо выговорил короткостриженный подчиненный, – Агенты не выходят на связь —да. Но считать их мертвыми тоже неразумно.

– Конечно, конечно... – Марат саркастически хмыкнул, взял огрызок карандаша, придвинул к себе листок. Морщинистая, худосочная рука начала выводить непонятные рисунки.

Мужчина помолчал. Проследил за творчеством начальника, потом спросил:

– С вашего позволения...

– Да, да... Свободен. Скажи Шарлотте, чтобы она... Хотя нет. Сам приготовь отчет для всех других членов Администрации.

– Он готов. Ждет вашего заверения. Пришло немедленно, – собеседник Марата поклонился и направился к выходу. Не получив никакой реакции от начальника, бесшумно вышел.

Марат не видел что именно он рисует. Звериное предчувствие, выработанное десятилетиями жизни в революционном подполье, потом в политических интригах, потом в борьбе за удержание власти, – говорило ему: это не конец, дорогуша. Буквально сейчас начнутся остальные события. Не менее важные и не более приятные.

Минуты не прошло. За громадными, массивными дверьми его нового, с позволения сказать, кабинета, послышались переговоры.

Двери порывисто раскрылись. Короткостриженный, черноволосый Гаспар перебежал глазами по листку в руке.

– Господин консул, можно...

– Можно, ага. Неужели что-то случилось?

Гаспар дочитал донесение, полностью не заметил сарказма в голосе начальника, аккуратно сложил листок.

– Сегодня в семь часов тридцать семь минут по общепринятому времени, – четко сказал давний консульский помощник. – В лечебнице Аллхилл, находящейся в нейтральных водах архипелага Эйсав, объект «В» вышел из комы и пришел в сознание.

Гаспар сказал это на одном дыхании и без эмоций.

Консул отреагировал странно. Он все так же продолжал рисовать свою окоlesiцу. Одна слабенькая улыбка коснулась его рябого и землистого лица.

– Ну... понеслась, – слабо проговорил Марат.

10 год Новой Федерации

Один из островов Ланиакеи

За 18 дней до встречи на земле Судей

Длинный, тощий доктор в немного помятом, но аккуратном белом халате поводил по глазам фонариком, ловким движением убрал его в нагрудный карман. Аккуратно коснулся твердыми пальцами твоей головы. Что-то пощупал за ушами, нажал на гланды... Ты вспомнил про гланды? Откуда? Неважно... Снял с шеи стетофонендоскоп, – а это откуда тебе известно?! – одной рукой приложил к сердцу холодную мембрану, на другой, одернув рукав с тыльной стороны кисти, заметил время. Передвинул правее. Пониже. Немного левее. Снова повыше.

– Ну-с, – он повесил обратно на шею свой инструментарий, сунул руки в карманы, присел на край твоей кровати. – Дела не так уж и плохи, гм?

Его старенькие, маленькие очки представлялись еще более узенькими и нелепыми на таком длинном и сухом лице. Практически лысая голова была седой, хотя на вид он был не очень-то и стар.

– Должен сказать, дорогой мой, вы нас порядком напугали. То лежите себе спокойненько, то, в кои-то веки очнувшись, начинаете себе кровь пускать. Нехорошо, как думаете?

Молчишь. И правильно. Тебе сейчас сказать нечего, да и говорить незачем. Слушай.

– Мы и обрадоваться не успели вашему новому состоянию, как вы, видимо, по старой привычке, всеми силами его пытаетесь ухудшить. Взбудоражили всех, – врач указал на невысокую светловолосую девушку. Она копошилась рядом с твоими приборами и с иглами в руке.

Ты коротко осмотрел ее. Лицо мясистое, толстый нос, плотное сложение. Какое-то слишком плотное и крепкое...

– Так, вижу, речь мою понимаете, верно?

Киваешь.

– Слышите хорошо, эхом не отдаюсь?

Отрицательно качаешь головой.

– В глазах не двоится, головокружения нет? – продолжал вкрадчиво расспрашивать доктор.

Продолжаешь водить ею из стороны в сторону.

– Ощущаете себя и ощущаете ясно?

Опять медленно киваешь.

– Пока что говорить, конечно, с полной уверенностью рано, однако, думаю, выразить скромную надежду можно: вы, дорогой мой, в общем и целом, в порядке. Учитывая *каким* мы вас получили десять лет назад... Черт возьми, да мы можно сказать чудо совершили. Эх, жаль, что никто об этом не узнает.

Врач тебе подмигнул, ухмыльнулся, похлопал по ноге – она отдалась неожиданной болью в колене. Ты сморщился. Он заметил. Девушка тоже.

– Угу, правая, – кивнул врач. – Да. У Вас в колене стоит протез. Новейший, последнее слово техники. Мы ногу, можно сказать по костям собирали. Но об этом давайте позже. Пока что отдохайте, набирайтесь сил, обязательно, повторяю, обязательно хорошо питайтесь! – лицо твоего лекаря в очках приобрело некоторую суровость, но весьма легкую. – Я к вам вечером зайду непременно. У вас, понятное дело, куча вопросов. Сейчас отвечать на них, пожалуй, не стоит. Но мы обязательно поговорим.

Девушка закончила с приборами. Они опять запикали, в этот раз – на порядок тише.

– По... – ты опять закашлялся, – подождите.

Да, так и есть. Ты выражаешься на другом языке. Хватило слова, чтобы это осознать. От осознания этого даже голова закружилась, ты зажмурился, в ушах загудело, торопливо собрался, взял себя в руки. Так... Но, с другой стороны, ты понимаешь врача. Значит язык твоих мыслей не единственный, коим ты владеешь.

Голова странно заработала, сама реальность немного исказилась, треснула от чудного понимания: в тебе несколько языков... Как подобрать нужный?

Врач на твои слова отреагировал с интересом.

– Любопытненько, – произнес он на том же языке, что и ты. Это было очевидно. Язык твоей речи и мыслей был намного сложнее и мелодичнее, в нем чувствовалась красота и сила, идущие рядом. – Вспомнили именно сорминорский. Но до этого понимали мою речь?

Киваешь.

– Угу, вполне ожидаемо. Не совсем типично, однако в рамках допустимого. Если честно, я предполагал, что вы заговорите именно на сорминорском.

– Скажите, где я? Кто вы? И кто я?

Врач с сестрой коротко переглянулись. Тебе это не понравилось. Почему? Чутье подсказало: такое обычно происходит тогда, когда не хотят что-то говорить.

Лысый мужчина снял свои маленькие очки, потер глаза, снова их надел.

– Ладно, держать вас в полном неведении тоже не слишком корректно, не так ли? – снова его эта ухмылка. – Вы находитесь в лечебнице Аллхилл. Название что-нибудь говорит?

Даже не пытаешься вспомнить, снова отрицательно качаешь головой. В мозгах царит пустота, какое уж тут название больницы, – имени своего не знаешь.

– Тогда о нашем заведении пока рассказывать не буду. Что до нас, то меня зовут профессор Паэльс. Лука Паэльс. Это моя ассистентка Лиза.

Не проронившая ни слова девушка – или женщина, хрен поймешь, – медленно поклонилась.

– Десять лет вы провели в этих стенах. А я и Лиза, вместе с нашими коллегами, занимались восстановлением вашего здоровья. Если уж быть максимально откровенным, то спасением вашей жизни.

– Что со мной случилось? – ты и профессор все так же говорите на этом красивом языке.

– А вот это давайте обсудим попозже, – мягко сказал доктор Паэльс. – Если излагать, как вы сюда попали, то придется объяснять очень и очень много, а сейчас, как я говорил, вам нужен отдых. Сам факт того, что вы после подобной комы так быстро можете разговаривать – чудо.

– Пожалуйста. Прошу.

Эти слова ты не сразу нашел в своей голове.

– Скажите, хотя бы коротко, – я кто? Как меня зовут?

Человек в белом халате посмотрел на тебя очень внимательно.

– Давайте я скажу, как вы сюда попали. Остальное – на потом, идет? – слова он говорит на том первом, примитивном языке. Звучит ужасно.

Спорить смысла нет. Сил тоже. Киваешь.

– Вы принимали непосредственное участие в последней войне... – начал профессор с тяжелым вздохом. – Какой именно войне – отдельная история. Возникнет необходимость – расскажу. Да вы и сами все узнаете рано или поздно. Так сказать, вы крутились в самой гуще. По информации очевидцев, вступили в... Как там... Э-м... В «достойную песен схватку с рейханом». М-да, журналисты... Сюда вы попали уже в состоянии комы, с сотней инородных тел в организме, переломом большинства костей, которые только есть в человеке. Любой другой сто раз умер бы, но вы... Вы, – доктор скрутил губы, чмокнул ими, глаза его устремились куда-то в сторону, он явно подбирал слова. – Вы... Вы *крепче*, скажем так.

Можно было и не спрашивать. Ничего не понятно. Давай соображай и соображай скорее! Что имеешь на данный момент: видимо, ты солдат. Какой страны? Неясно. И неважно. Война. Кого с кем? Неизвестно.

– Кто победил? – задаешь вопрос несознательно, будто что-то молодежливое вышло в душе. Что-то заостенелое, закоренелое в тебе заставило это спросить, что-то нутряное. Животное.

Врач издал резкий и нервный смешок. Отвернулся к окну.

– Все проиграли. Как в любой войне, – произнес Лука Паэльс. – Но если конкретно, то победили те, кто сейчас у власти.

Медсестра подошла к нему и что-то тихо прошептала ему на ухо. Он покивал головой.

– Да, да, Лиза. Вы правы. Да. Все. Пока на этом закончим, идет? – это уже адресовано тебе. – Все хорошо в свое время. И сейчас определенно неподходящий момент для разных историй, как думаете?

Ты думаешь, что он сейчас чего-то боится, вот что ты думаешь. Но утвердительно киваешь на его вопрос

– Чудно. Тогда мы больше не будем вас утомлять. Отдыхайте, ни о чем не переживайте, а лучше всего – поспите. Побеседуем с вами вечером.

С этими словами седоватый доктор и крепкая сестра вышли из палаты.

Ты остался один. Смотришь в потолок. Думаешь.

Марат и Гаспар шли по длинному светлому коридору с необычайно огромными окнами, многие из которых не имели стекол. Несмотря на кажущееся богатое убранство здания, всюду чернели трещины и следы разрушений. Поджарый Гаспар немного отставал от своего тощего, тщедушного начальника, часто и нервно перебирающего несоразмерными ножками, искалеченными к тому же сильной хромотой.

– А я вам говорил! – сиплый голос пронесся эхом и вылетел в окна. – Я вас предупреждал, когда его уносили!

– Господин консул, вы же сами помните, он был кровавой кашей...

– Ожила ваша каша, олухи! Слышишь?! Ожи!... – всегда хриплый, надтреснутый голос консула, сорвался и он закашлялся.

Гаспар этим сразу воспользовался и торопливо произнес:

– Умри он, тем более при странных обстоятельствах, появилось бы слишком много вопросов, Мало того, он тогда спас целый город от уничтожения. Стал чем-то вроде героя, – короткостриженный мужчина на секунду умолк, обдумывая следующие слова, после чего добавил. – Общественность нам бы не простила.

– Помилуй, Гаспар! – обсыпанное рытвинами от оспин, серо-желтое лицо консула скривилось. – Хотел бы я видеть, как эта пресловутая общественность учинила бы суд над нашими деяниями... И зачем ей защищать кого-то? Общественность, Гаспар, это лишь толпа. Толпой была, ею остается и ею пребудет. А толпе решительно все равно повесят кого или расстреляют. И ей, толпе, решительно все равно в каких количествах это произойдет... Ой, уж нам ли этого не помнить! Побурчали б годик-два, ну устроили бы следствие, но на том бы и заглохло. У смерти маршалов армии Республики тоже есть срок давности. И потом: ты же видел его тогда? Будь он обычным, нормальным, сука, человеком, подход бы давным-давно, с-с-собака. Так нет же, эта тварь еще и сражаться могла!

У Марата заиграли желваки, щеки задержались от ненавистных тиков.

– Мы десять лет за ним следили...

– Ага, так же, как и за Зеро, – мрачно усмехнулся консул.

Загорелый Гаспар, шедший сзади, проглотил нагоняй и продолжил.

– Врачи кое-как собрали его по костям, а потом смогли его ввергнуть в контролируемую кому. И все, больше сподвижек не случилось. Ни одной за десять лет. С каждым годом «В» становилось хуже, по прогнозам ему оставалось месяц или два. Максимум полгода.

– Гаспар, тот, кому остается полгода, обычно в себя не приходит! – выхрипел консул, достал желтенькую бумажку и прочел. – И о нем не доносят, что... м-м-мнэ... «пациент находился в неожиданно стабильном состоянии, жизни ничего не угрожает».

– Я к этому и веду, Марат, – на полтона тише и на пол-октавы ниже пробасил Гаспар.

Они остановились. Консул обернулся к подчиненному. Кругом не раздавалось ни звука, ожидаемый на такой высоте ветер по каким-то причинам не гулял в проходах, не создавал сквозняков.

– Слушаю.

– Никак не смогу подтвердить фактами, но мне почему-то кажется... Если вкратце, то уверен: Зеро и «В» чем-то или как-то связаны. Хотите, считайте мое чувство интуицией.

В словах мужчины с мощной шеей и короткой, жесткой стрижкой проскользнуло смущение.

Марат оценивающе осмотрел его. Чуть улыбнулся. Как всегда, лицо консула от улыбки стало только уродливее. Он медленно полез в пальто, достал зеркально-серебряную коробочку. Похлопал себя по карманам в поисках огня.

Гаспар невидимым движением с готовностью чиркнул спичкой и засмолил начальнику папиросу.

Постояли в молчании. Коридор или нечто вроде, в котором они находились, был всего лишь небольшим связующим звеном от одной обитаемой колонны к другой этого необъятного строения. Потолки уходили далеко ввысь, закругляясь под конец в форму изнанки яичной скорлупы. Некогда и сверху красовались рисунки, орнаменты и фрески. Но что-то отвалилось, что-то потрескалось до неузнаваемости, некоторые места выцвели.

– Если честно, я ожидал, что «В» очнется сразу после новостей о Зеро. Или одновременно. Назовем это интуицией, да. Готовься в ближайшие дни получать много совпадений, да необъяснимых звонков интуиции – спокойно и как-то будто сквозь потаенную боль проговорил Марат, выпуская терпкий дым прямо в лицо Гаспара. Подчиненный не курил, но от дыма не подавал никакого вида недовольства. Привык. Не шелохнулся и от прикосновений.

– Мне идея пришла. И не одна, – продолжил консул. – Раз уж все сорвалось с катушек, нужно действовать нестандартно. А для нестандартных действий нам нужны такие же неординарные люди.

Гаспар молчал.

– И в кои-то веки нам придется к месту бандюги, всю жизнь проведенные в борьбе с Республикой.

– Вы хотите обратиться к оставшимся джиханам?

Марат щелчком выкинул окурок в окно. Казалось невероятным, но промахнулся, попал в раму. Окурок, вытряхивая искры, упал на грязный пол.

– Не только к ним. А что касается «В»... Надеюсь, хотя бы об этом не прочухали?

– Не прочухали, – эхом отозвался Гаспар.

– Славно. С ним вопрос надо закрыть. Не спеша. Но оперативно. В этот раз – наверняка. Марат подошел к окурку, поднял и сделал вид, что внимательно изучает его.

– Про то, о чем я говорил ранее... Вы не думаете, что Зеро не допустит подобного? – в голосе Гаспара не было тревоги, скорее присутствовала хорошая, деловая озабоченность.

– А вот мы как раз и проверим.

Со второй попытки Марат попал в окно.

Глава 3. Недопонятый слуга людей

10 год Новой Федерации

Один из островов архипелага Эйсава

За 7 дней до встречи на земле Судей

...Нет, старайся спасти самого себя. Боюсь я, чтобы сострадание не принесло вреда тебе. До дна исчерпаю я все зло, которое послала мне судьба...

Древний миф

Не хотелось признавать, но, похоже, хромота у тебя отныне навсегда. О подобном врачи, судя по всему, редко скажут прямо, а самому как-то спрашивать о недуге, который будет сопровождать тебя всю жизнь, слишком неприятно. Колено ощущалось чужим, негнушимся, будто в него засунули надутый шарик. В общем, оно отчасти так и было: исходя из обрывочных объяснений Паэльса, нечто шароподобное засунули под коленную чашечку и накрыли куском металла. Ужас, если вдуматься, но в целом на вид выглядело нормально, если не учитывать шрамы. В конце концов, ходить ты можешь и вполне спокойно, если не брать в расчет прихрамывание. От трости отказался за первые два дня физических упражнений.

Постепенно и сознание приходило в норму. Элементарные действия, будь то владение ножом, вилок, использование туалета, умывание и прочее оживились в памяти довольно скоро. По радостным сообщениям все того же Паэльса, темпы восстановления превосходили самые смелые его расчеты и ожидания. Правда, по выражениям лиц его коллег, ты больше считывал потаенную опаску, а иногда прямой страх.

Что же до иных навыков или памяти о прошлом, то, к сожалению, голова утаивала их под покровом темной амнезии, но в данный момент тебя прошлая жизнь волновала слабо. Стоило признать: не так уж дурно пребывать в опрятной, аккуратной больнице под надзором медсестер, внимательного профессора Луки Паэльса; неплохо питаться вкусной свежей пищей, лежать на прокрахмаленных простынях. Добавлял приятностей и ласковый климат за окном. Мутные знания о мире давали тебе понять, что в предыдущем солдатском быту подобного имелось отнюдь немного. И все твои прошлые войны мало способствовали размеренному или комфортному образу жизни. И, наверное, мысли.

От аппаратов тоже освободили. Уставшие от иголок, грубые, шрамированные руки получили долгожданную свободу. Они слушались вполне сносно. И пускай левая дрожала, – все это нестрашно, легко привыкается.

Первый прием душа открыл тебе собственное тело: обвисшее, обрюзгшее, ощутимо помученное, но широкое, коренастое, когда-то весьма, видимо, тренированное, на нем виднелись остатки бывшего мышечного рельефа. Тело покрывали шрамы, пятна, многочисленные белые полоски и прочие отметины из прошлой жизни. Весьма ожидаемо. Наиболее из всех выделялся живот – его пересекал тугий толстый шрам, судя по всему, давнишний, уродливо-коричневый, похожий на паутинистый раскат молнии. На правой груди просматривались татуированные цифры. Ты долго вглядывался, пытаясь прочесть: «шесть, запятая шесть, два, шесть, ноль, семь, ноль, ноль, четыре, ноль» и два нечетких числа почему-то в скобках. Плюс далее цифры помельче, понятное дело, различить их уже совсем не получилось. На груди левой – жирная единица, опять запятая ноль, пять, четыре, пять, семь, один, восемь и вроде бы два ноля. Идущие после символы, опять же в скобках, поглотил шрам.

Цифры эти различались четче и заметнее, чем наколка на левом предплечье в виде перечеркнутого глаза, причудливой формы, в полукруге. Глаз этот производил странное впечатле-

ние – он смотрел на тебя не то с крайним презрением, не то с крайним спокойствием; он не был человеческим, но и не принадлежал зверю. Голова, разумеется, ровным счетом никак не отреагировала ни на числа, ни на едва различимое око. Что интересно, от желания узнать значение наколов у окружающего персонала, тебя удержало какое-то трудноуловимое предчувствие.

К слову, дальше собственной палаты не выпускали. Мир, доступный на данный момент ограничивался непосредственно палатой, – надо признать, весьма и весьма комфортабельной, – двумя медсестрами, парой медбратьев: к Лизе добавилась девушка, чьего имени ты никак не мог уловить, темнокожий парень лет двадцати и средних лет мужчина, по словам профессора – немой, – и самим профессором. Окно в палате являлось для тебя именно что окном во внешний мир: больница располагалась в густом лесу, обрамленная садом из живописных растений. Где-то на расстоянии руки от подоконника росло дерево, как ты смог вспомнить, апельсиновое. В полдень и девять вечера откуда-то негромко, но отчетливо доносился интересный звон, похожий на колокольный, но и в то же время, чем-то отличающийся. Чем – понять не смог.

Неспешно и размеренно, прошла неделя. Никакой информации о происходящем вне лечебницы тебе не сообщали, а если говорить откровенно, то не слишком-то и хотелось чего-то знать. Где-то на третью ночь, – об этом в ежедневных разговорах с Паэльсом решил умолчать, – начались вязкие, нечеткие, размытые сны, полные рваных образов, угрожающих фигур и ослепительных вспышек.

Сегодня же картинка чуть прояснилась и радости она ничуть не доставила: полночи ты наблюдал за обугленным то ли городом, то ли неким поселением у подножия громадной горы. На улицах под первым неуверенным снегом лежали закопченные трупы, где-то поднимался угольно-черный дым, ты шел по узким проулкам с мечом в руке, обильно окрашенным кровью; из-под ног распылялся пепел, слышался хруст ветхих, обгоревших тел, на которые, – деталь, особенно задевшая, – ты наступал безо всякого сожаления. Проснувшись намного раньше обычного, в легком поту и со стучащим сердцем, пол утра ощущал этот тошнотворный, сладковатый запах горелой плоти, в ушах стоял сухой, хрумкающий звук раздавливаемых черепов. А в глазах застряла чернота раскрытых челюстей и пустых глазниц.

– Дорогой мой, вы чего-то на взводе, – сказал твой худой, высокий доктор, по традиции, совершая утренний осмотр. – Почему сердце стучит, как у кролика?

– Делал зарядку, от непривычки запыхался, – произнес ты заранее заготовленный ответ.

– М-де? – его мембрана все держалась на твоей груди. Ты сделал глубокий вдох, лишь бы сердце немного успокоилось. – Зарядка, вне всяческих сомнений, дело полезное, но давайте покамест повременим с ней, хорошо? Внутренние органы у вас функционируют в пределах нормы, а вот с некоторыми костями при нагрузках могут возникнуть сложности.

– Вас понял. Буду осторожнее.

Доктор, по обыкновению машинальным движением повесил свой аппарат на шею и внимательно посмотрел на тебя.

– Как вообще дела? – спросил он. – Есть прогресс в воспоминаниях? Не появляются в голове неожиданные проблески, названия или мысленные изображения мест, которые вам не знакомы? Или вовсе припомнили чьи-то имена?

Ты ждал таких вопросов. О снах говорить не хотелось, но последнее время нет-нет, да и проявлялись какие-то наименования, которые интересовали с каждым днем все больше. Смысл снов был в общем-то понятен. А вот постичь смысл и значение многих всплывших имен все равно пустой головой не выходило.

Судя по всему, ты не стоял в первых рядах тружеников интеллектуальной работы. Однако, полным дураком тоже не являлся, поэтому понимал весьма четко: кто-то тебя положил в эту больницу, кто-то оплатил или вовсе до сих пор оплачивает все твое содержание плюс

лечение. Либо ты кому-то дорог, – предпочтительно и маловероятно, – либо же твоя персона кому-то зачем-то нужна. Спрашивать напрямую у работников лечебницы о настоящем положении дел, очевидно, бессмысленно. Первые несколько дней полнились попытками разузнать детальнее и о себе, и о прошлом, однако обтекаемости ответов окружающих позавидовал бы иной политик или юрист. Создавалось впечатление, что тебя держат для какой-то цели и держат не по своей воле. Говорить обо всем, что творится в твоей голове, не стоило, но, как ни посмотри, по каким-то моментам требовалась ясность.

– Хао, – сказал ты, после недолгого молчания. – Имя «Хао» почему-то чаще остальных приходит на ум. Не знаю, друг он мне или знакомый. Или заядлый враг. Не могу определить, но оно постоянно вертится на языке.

Да, угадал. Ставшее привычным, непонятное интуитивное чувство побудило тебя произнести конкретно это имя. И ты определенно попал в яблочко. По физиономии Паэльса пробежала тревожная рябь, губы дрогнули.

Он задумчиво и будто с отчаянием покачал головой.

– Можно было догадаться, – протянул доктор, не отрывая от тебя внимательный взгляд. – Что именно его припомните в числе первых. Но чтобы совсем первым...

– Вы его знаете? – сразу перебиваешь. Вопрос был глупый, разумеется, длинный мужчина, в белом халате поверх зеленой рубашки, его знал. – Он жив?

– О да. Он жив, – последовал ответ. – И судя по последним новостям, еще как жив. Не успел появиться из своего затворничества, так моментально все на ушах.

– Кто он? Тоже солдат? – слушать абстрактные речи порядком выводило, нужно уточнять и максимально сужать вопросы.

– Нет, то есть в некотором плане, да, – полученный ответ врача тебя не удивил. – Он из джиханов. Помните кто это?

Похожее, крайне похожее слово мелькало в голове. Почему-то вспоминалась «земляника». Явно не то. Поэтому ты без обиняков ответил: «Нет».

– Джиханы, они же «идущие против закона» – некогда популярное, масштабное и противоправное движение, ставящее своей целью борьбу против бывшей Мировой Республики, – неторопливо ответил доктор Паэльс.

– А я был на стороне этой самой Республики? – вкрадчиво уточняешь, ответно глядя в крохотные кругленькие очки собеседника.

– Именно. В целом понятие «джиханы» не очень легко определяется, особенно учитывая, что их нет, но...

– Почему нет? – резко спрашиваешь ты.

– Потому что нет Республики, – ответил врач с улыбкой. – Нельзя идти против закона, которого не существует, как думаете?

– То есть я... мы проиграли?

– С одной стороны, да. Но, с другой стороны, чтобы вы не одолевали себя тяжелыми думами, джиханы тоже не победили. Республики нет, но и нас... В смысле, джиханов, – тоже.

Ты присел на своей койке. Инстинктивное чувство, – чувство злости и презрения, – заполнило сердце.

– Вы – джихан? – прямо спрашиваешь ты.

Доктор опять слабо улыбнулся, не отвел взгляда, никакого страха или чувства вины не выказал.

– Когда-то я был на их стороне, если на то пошло, да. И не смотрите на меня так, уважаемый. Противостояние кончилось, уж, во всяком случае, наше с вами точно. – грустно произнес Паэльс. Улыбка отобразилась на его лице. Почему-то малоприятная, мягко говоря, она тебе не понравилась.

– Мы с вами сражались?

Твой доктор издал короткий, но довольно приятный смешок. Видимо, он человек смешливый.

– Случись это, боюсь, я бы с вами сейчас не беседовал. Вы некогда представляли из себя одно из воплощений силы республиканской армии, дорогой мой. Жалкий доктор медицинских наук... Хм, вернее, джиханских наук, ведь они Республикой не признавались, что на мой взгляд, являлось наибольшим преступлением с вашей стороны... Гкхм... Ну да ладно. Итак, жалкий доктор – птица не вашего полета. Вы бились со всякими нашими... джиханскими... могучими бойцами, имена которых гремели на весь мир, круша, да изничтожая все на своем пути. А такие как я всеми силами сводили на нет жертвы и разрушения, которые оставались после ваших игрищ, – ответил Паэльс, под конец став полностью серьезным. Его лицо остекленело и похолодело, он уткнулся глазами куда-то в пол. После чего добавил: «Да. Игрищ. Жестоких и совершенно бесплодных... Совершенно бесплодных». Доктор помрачнел и тяжелым голосом продолжил. – Человек – это то, что он знает и то, что он делает. Каждый выполняет свою работу в этой жизни. Я понимаю. Вы исполняли свою, но... – Паэльс на секунду замолк, очень глубоко вздохнул. – Проклятие войнам отныне и вовеки, – таково мое мнение. Ваши и, чего греха таить, наши... бойцы могучие, – вы изничтожали все, до чего могли дотянуться. С бешенством и упоением этим бешенством, более бешеные, чем бешеные собаки.

– Тогда зачем же вы меня лечили? – неприязнь к доктору прошла так же быстро, как и появилась. Трудно сказать почему.

– Повторю: такие как я стараются свести кровь и смерти к минимуму. Мне все равно кто передо мной, я попытаюсь его спасти. Больные дети с территорий подконтрольных Республике или больные дети с джиханских земель, – думаете я делал различие? – улыбка на лице Паэльса приобрела оттенок печали, но благородной что ли. – Кроме того – и это главное – под конец уже стало непонятно где свои, а где чужие. Все дрались против всех, в последнем бою, как я слышал, схлестнулись какие-то совершенно чудовищно огромные массы людей... И не совсем людей. И даже вовсе нелюдей. Все убивали всех, убивали всякого, до кого могли дотянуться, ближний убивал ближнего... Кстати, ранения свои, по разным сообщениям, вы получили, защищая именно джиханских детей.

– От кого? – спросил ты, сжимая и разжимая кулак.

– От рейхана.

– Судя по названию, подвид джиханов?

– В некотором смысле, – согласился доктор. – Рейхан, иначе «над законом» – предводитель джиханского движения. Самый сильный, самый ловкий, самый хитрый, самый во всех отношениях... Короче говоря, тот, кто в естественном полуживотном отборе той буйной эпохи показал себя наиболее успешным в устранении конкурентов. Правда, именно тот, с которым вы сражались, показал себя таковым намного, мноооо раньше.

Ты садишься на кровать, аккуратно свесив ноги, машинально потирая больное колено, почесывая щеки и подбородок. За те дни, пока ты сам за собой ухаживал, они порядочно заросли темной щетиной. Смотришь в окно: впервые за период твоего пребывания появились тучные облака на фиолетово-голубом небе. Похоже, скоро будет дождь. Надо бы выйти на улицу, подумалось тебе. Здесь сидеть решительно противно. Почему-то внутри из-за услышанного появилась не то сосущая пустота, не то усталость. Не хотелось больше говорить о прошлом.

И все же...

– Какие новости пришли о Хао? – раз уж начал выяснять, нужно дойти до конца.

Доктор тоже о чем-то задумался, сидя в неглубоком кресле.

– Прошу прощения? – переспросил он.

– Вы сказали, что этот Хао жив. И вы получили о нем информацию, – пояснил ты.

– А, да. Последние десять лет, когда все худо-бедно утихло, он, дойдя до Святой Земли, – так мы ее тут называем, уж простите за высокопарный слог, – дойдя до Святой Земли там их и провел. Никто не знает чем именно он занимался, никто за десять лет не смог подобраться к его обиталищу ближе, чем на сто миль. Собственно, слукавлю, если скажу, что новое правительство сильно этим озаботилось или очень старалось, – произнес Паэльс. – Не чета Республике, о-хо-хо. М-да... М-да-а... Сами понимаете, крушение столь массивной надгосударственной структуры, как Мировая Республика, не могло произойти без последствий, без сучка, без задоринки, так сказать. «Сучков» навывростал воз и маленькая тележка, включая экономические, политические, общественные реформы, разные другие преобразования. Плюс с десятков, а то и больше локальных военных конфликтов, борьба с оставшимися джиханами, с контрреволюционерами, с непримиримыми сторонниками Республики, а такие тоже нашлись... К моему вящему удивлению. В общем, не до того было. Революция-с, – доктор снисходительно развел руками. – Первые год-два многие говорили о Хао и о том, как же с ним поступить. Почему он безмолвствует, почему бездействует. Но раз он исчез, а сделать ничего с его ситуацией не выходило, то и мир потихоньку о нем позабыл. А учитывая... *репутацию* тех мест, – имею в виду Святую Землю и ее окрестности, – то отсутствие новостей – исключительно отменные новости. И десять лет ничего не происходило.

– Но теперь он дал о себе знать? – ты старался не перебивать собеседника, ловя каждое слово.

– Верно, собственно неделю назад... – Паэльс опять тяжело вздохнул. – Приблизительно сразу перед тем, как вы очнулись.

Тут доктор повел себя странно: зачем-то оглянулся по сторонам, хотя в твоей палате сидели только вы вдвоем, придвинулся ближе к тебе и принялся горячечно бормотать голосом на тон ниже обычного.

– Я думаю, что подобное совпадение ой как не случайно, дорогой вы мой маршал. Не судите меня превратно, я не сторонник мистификаций, обыкновенные совпадения за таинственную закономерность не принимаю, все же я человек медицины, человек науки, но... Но я разного повидал и от нашего брата, и от вашего. Я знаю, на *что* вы были способны. Поэтому не могу отделаться от чувства, что вы скажете свое слово в судьбе Хао. Или он в вашей.

Его лицо почему-то наполнилось болью и состраданием, похоже – неподдельным. Такая реакция тебя несколько смутила.

– О моем выздоровлении ведь тоже умолчать не вышло? – тихо спросил ты. Глядя тебе в глаза, доктор в ответ отрицательно покачал головой.

В дверь осторожно постучали. Вы оба обернулись: вошла Лиза и сообщила, – все на том же обрубленном, изуродованном диалекте вашего с Паэльсом языка, – что пора завтракать. Он глянул на часы.

– Ба, сколько времени! Засиделся я с вами, дорогой мой, – доктор встал и размял шею. – Давайте не будем нарушать режим и покушаем. А поболтать всегда успеем. Идет?

Киваешь.

Он ободряюще улыбнулся и направился к выходу. Уходя, мужчина в халате обернулся.

– Надеюсь, я дал вам четко понять: вы не всем друг. Наше заведение – отнюдь не исключение. Учтите.

Сказав на чистейшем вашем языке, он вышел, предоставляя тебя Лизе, которая накрывала на стол нехитрую утреннюю снесь.

Но последние слова были излишни. Ведь ты четко ощущал непонятным своим инстинктом, что на протяжении всего разговора у двери вас подслушивала эта крепко сбитая женщина неопределенного возраста.

Ночью сон не шел. Пару раз провалившись в сонливое забытье, ты вываливался в явь и в итоге уснуть не получилось. Может причина во вчерашнем сновидении, может в первой ветренной погоде за окном, а может в том, что в больнице явно что-то происходило, – кто знает. Наблюдая за разнообразными тенями на стене от настольной лампы, ты размышлял о словах профессора.

Они напрягали и напрягали сильно. Особенно его последнее высказывание, плюс информация о том, что твое пробуждение не осталось незамеченным. Исходя из услышанного, ты был, что называется, крупной шишкой, инкогнито остаться не выйдет.

Также можно с высокой долей вероятности предположить, что среди персонала находились доносчики новой администрации, иначе как бы они узнали о твоём состоянии. Вопрос же об отношении к тебе новых правителей оставался открытым. Но, снова вспоминая последние высказывания доктора, на благосклонность от каждого встречного рассчитывать не приходилось.

И лучше быть готовым к худшему.

... А в больнице тем временем все отчетливее слышались голоса, где-то снизу, причем повышенные и злые. Где-то ругались, подумал ты. Надо сказать, весьма сильно. Осторожно встаешь,ходишь к двери. Приоткрываешь. В коридоре темно. Кое-как виднелись двери других палат, некоторые – приоткрытые. Интересно находились ли в больнице другие пациенты? И если да, то кто?

Кричащие, среди которых явно был сам Паэльс, умолкли. Точнее, их крики резко обрвались. Раздались непонятные глухие звуки, бульканья, кряхтение.

Ты уже знал что это означает. О чем, о чем, а о подобных отзвуках сны предоставили четкие воспоминания: подобное не раз слышал в бою, когда у человека перерезаешь горло.

По спине прошел холодок, сердце пустилось вскачь, «как у кролика».

Осматриваешься: разумеется, ни ножа, ни вилки. О чем-то более серьезном и говорить не приходится. Попробовать использовать вазу? Если разбить – получатся осколки. Но нет, такой звук тебя выдаст, а это лишнее.

Неслышно выходишь из палаты, прикрываешь дверь. Глаза попривыкли к темноте, голова работала ясно и без лишней нервозности, что тебя не удивило. Коридор был недлинный, пара палат – и ты у лестницы. За прошедшее время успел выяснить, что в больнице три этажа. Тебя держали на верхнем. Остановившись у перил, прислушался к происходящему: ничего особенного, если не учитывать характерного хрипа.

– Это плохо, – шепотом произносишь сам себе, без причины, лишь бы чего-то произнести. Шепот немного подбадривал. Голоса шли, по-видимому, сразу снизу, со второго этажа. К хромоте приспособился, поэтому аккуратно, не слышно, спускаешься. Останавливаешься у прохода. Здесь немного посветлее, но все равно сумрачно.

Хрип и звук прибулькивающей жидкости. Точно не воды.

Осторожно проходишь, боком идешь на источник звука. У двери в кабинет главного врача стоишь секунду-другую, после чего резко открываешь ее, машинально сжав кулак.

Весьма уютный, тускло освещенный, богато обставленный кабинет, с мебелью темно-коричневого дерева, с золотыми, извилисто украшенными маятниковыми часами, с крупными стеллажами книг, с широким столом. У его подножия в густой луже крови сидел профессор Лука Паэльс, издавая предсмертный хрип и задыхаясь. Он посиневшей рукой держался за шею, из которой толчками шла кровь. Лицо его побледнело, разбитые очки валялись рядом.

Ты подбегаешь к нему, начинаешь бестолковые копошения. Сняв с себя больничную рубашку, криво разорвал ее и хотел было приложить к шее доктора, как он свободной рукой тебя остановил.

– Не... не надо, – пробормотал профессор и кашлянул. Ты ощутил капли его крови у себя на лице.

– Что случилось?!

Паэльс на пределе сил сделал хриплый вдох и произнес: «Бегите. Все же... решено... убить». Снова закашлялся.

– Кто это сделал? – спрашиваешь ты, но вопрос был излишним. Резкий удар сзади, звук разбиваемой вазы и понимание того, что заваливаешься на пол. Голова помутилась, в глазах потемнело.

Лиза подошла к профессору. Тот невидящим, мертвым взглядом следил за ней. Она резким движением убрала его руку от раны, взяла кусок твоей рубашки, крепко обтянула вокруг его шеи. Пара секунд – и Лука Паэльс, последний раз хватанув ртом воздух, замолк навсегда.

Держась за голову, ты с трудом присел. Нашарил другой рукой осколки со знакомым орнаментом. Эх, нужно было самому ту сраную вазу разбить!

– Так и знала, что он тебя разбудит, – произнесла Лиза, отталкивая от себя, словно тряпичную куклу, тело доктора. – Испугалась, вдруг ты сбежал. Но нет, приперся ж сюда, герой недоделанный.

Несмотря на то, что в глазах двоилось и кабинет был слабо освещен, ты видел, как ее лицо искажалось от ненависти при одном взгляде на тебя. Она не спеша достала окровавленный скальпель из своего белого халата.

– Зачем...? – промямлил ты. Язык после удара заплетался. Надо потянуть время, прийти в себя. Она не станет убивать быстро, это очевидно. Значит есть десяток секунд на обдумывание ситуации. – Зачем его?

– Он был против твоей смерти. Видишь ли, наш пацифист проникся странной мыслью, что распри между джиханами и Республикой остались в прошлом. А новая администрация видеть тебя среди живых не пожелала, но он все равно был против. Думал, если предупредит тебя на вашем гребаном сорминорском, то никто ничего не поймет. Ему невдомек, что многие хоть и не говорят на нем, но отменно понимают, – произнесла Лиза, выражаясь на своем лингвистическом обрубке. Она аккуратно протерла резиновой перчаткой скальпель. – Помимо прочего, как бы так неловко выходит, что вместе с тобой пришлось... Ммм... Очистить заведение от остальных. Жалко Марию тоже пришлось. Хотя она вовсе не при делах.

Вот как ту милую девушку звали-то... Но мысли в сторону. Медсестра виделась четко, почти ясно, боль в затылке стала несильной, дыхание выровнялось. Ты медленно встал.

– Посмотрите на него, – насмешливо произнесла женщина. – Прямо недобитый солдат империи идет в последний бой.

Она стояла, облокотившись на край стола профессора, который лежал рядом и бесстрастным взглядом мертвеца глядел тебе в ноги.

– Как же долго я ждала, выродец проклятый, ты представить не можешь, – ее голос перешел в шипение, не выходило понять откуда бралась *настолько* лютая злоба. – На секунду вообрази: десять лет. Десять долгих, дер-р-рьмовых лет выхаживать тебя. Лишь бы увидеть это растерянное лицо.

Скальпель в ее левой руке. Будет бить либо в центр, либо в правый бок.

– Что с другими пациентами? – ты ощутил, что страх и оторопь от оглушения прошли. Ощущалось волнение, к твоему удовольствию, ожидаемое и приятное.

Лиза цокнула языком. Подмигнула.

– Не переживай о них, дорогуша. О них пусть теперь волнуется Всевышний.

Значит, ты все же являлся не единственным «больным». Ладно, оттягивать неизбежное глупо.

Заставить ее сделать первый шаг было нетрудно: обманное движение, будто ты рванул в коридор и вот она стоит в боевой позиции, перекрыв дорогу к выходу.

Последовал молниеносный удар в правую часть твоего тела, предугаданный, но нормально отразить его не успеваешь. Рефлексы, на которые так рассчитывал, немного подвели.

Неглубоко, но ее оружие полоснуло тебя где-то в районе ребер. Наносишь удар лбом ей куда-то в лицо, она вскрикивает, отстраняется от тебя, держась за разбитый нос. Хватаешь вылетевший из ее руки скальпель, зажимаешь рану рукой. Мгновение твое тело думает, после чего бьет женщину здоровой ногой в солнечное сплетение. Осознаешь, что удар не весть какой, но ей хватило.

Пролетев пару шагов, Лиза с грохотом ударяется о книжный стеллаж, с трудом удерживаясь на ногах, дыхание у нее сбито, она хрипло и с надрывом дышит, держится за живот, окровавленное лицо перекопилось. Из шкафа повыпадали толстые тома, брошюры, прочие другие книги. Некоторые комично попадали ей на голову.

Пудобнее перехватываешь маленький нож и спокойно направляешься к ней.

– Сволочь, мрафь, – сказала Лиза, отпустила залитое кровью лицо и не пойми откуда достала револьвер.

Ты резко остановился. Такого поворота не предусмотрел, дурак! Очевидно же, что она вооружена чем-то, кроме ваз, удавок и скальпелей.

– Когва-то эвим тева быво не убидь, —из ее носа лилась и лилась кровь, но она будто не замечала этого. – Но вребда идмедидись. Подювсдуй какво эдо: бывь бедпомодьным педед лидом смедти. Я ходю видедь на двоём дице сдах!

Не можешь точно сказать, есть ли там у тебя на лице страх, потому что лихорадочно соображаешь. До нее, – из-за твоего же удара, остолоп! – метра полтора. Рывком, тем более, с хромым коленом, не успеть. Метнуть скальпель? Вспоминаешь, что таким навыком владел, да, но сейчас вряд ли попадешь. Однако другого шанса нет.

– Бедумно жавь, чшо ды медя де помдишь, падкуда, – сказала Лиза, взвела курок и нажала на него.

Метнуть свое нехитрое оружие ты, разумеется, не успеваешь. Время застыло, у тебя перехватывает дыхание. Зачем-то зажмуриваешься.

Мгновение. Следующее.

Еще одно.

Выдыхаешь. Чего-то странно...

Открываешь глаза. Видишь искаженное болью, кровью и ненавистью лицо медсестры, огонь, чуть было вырвавшийся из дула револьвера. Секунду смотришь на это. Замечаешь маятник часов: он тоже замер.

Время *реально* застыло.

Делаешь робкий шаг. Верилось в происходящее с трудом. Голова у тебя, конечно, работает так себе, но вроде бы такое не вполне свойственно... миру.

Однако, реальность упряма: Лиза оставалась не более движимой, чем мертвый профессор. Пуля, едва вылетевшая из пистолета, в нем же и оставалась в обрамлении пороховой вспышки.

– Сейчас бы обратно в кому улетели, молодой человек, – прозвучал сзади тебя голос, неожиданно знакомый.

Тут же оборачиваешься. В руке у тебя пусть и маленький, но все же нож.

– Не мастер я всяких драк, посему компетентно оценить ваши действия вряд ли могу, но они видятся мне здесь тотально неразумными, честное слово, – продолжила разглагольствовать фигура.

Ты силишься различить очертания, но говоривший будто ускользал, словно отражение в реке при легких волнах.

– Хотя со скидкой на ваше состояние, думаю, сойдет, —голос был странный, словно задуваемый каким-то посторонним шумом.

– Ты кто?! – спрашиваешь немного не своим голосом.

Послышался короткий смех.

– Вечно сей вопрос. У всех. Один и тот же. «Ты кто?! Ты что за хрен?! Откуда ты взялся?! ...» – передразнила фигура.

Сбитый с толку, опустил руку, нелепо стоишь и смотришь в сторону человеческих очертаний. Почему-то кажется, что даже если будет светлее, то увидеть *это* не выйдет.

– Ну скажу я имя, что понятнее станет? Или расскажу свою историю, то типа сможешь поверить? – насмешливо спросил, видимо, человек. – Хотя, конечно, с другой стороны, мое появление не вызовет вопросов разве что у мертвеца. Или у того, с кем я не хочу говорить. Давайте пока определим так: я стерегу ящериц, которые норовят ускользнуть в любой час, в любую минуту. Вы – одна из них.

Смотришь на труп доктора и замершую медсестру.

– Значит со мной говорить хочешь? – спрашиваешь его.

– Очевидно, да, – отвечает фигура. Она стоит неподвижно, но иногда словно разрывается, дергается, подобно огню при ветре. – Не против, если сразу к делу? Времени у нас немного... – человек замолк, потом со вкусом, неторопливо рассмеялся. Непонятным и жутким был этот смех, не отсюда он звучал и не от человека в принципе.

– Хах, у-у-ух... Обожаю сей каламбур, никогда не устареет, – продолжил незнакомец. – Итак, времени у нас немного, поэтому давайте проведем беседу в более пристойной обстановке, то есть подальше отсюда? Как вам идея?

Нормальная идея, подумал ты. Если говорящая тень и представляет угрозу, то не сиюминутную. Разберешься потом. Пока же...

– Ай-яй-яй, вот от данного действия давайте... Молодой человек, давайте воздержимся, – протянул неизвестный.

Ты поднес нож к шее Лизы.

– И почему бы мне воздерживаться от данного действия? – терпеливо спросил ты. Нож от шеи не убрал.

– Могу почти уверенно утверждать, что если кто-то ухаживает за кем-то целое десятилетие, ставит капельницы, накладывает шины, гипсы, выкармливает с ложечки... Утки убирает, в конце концов, и всякое такое прочее, едино для того, чтобы самолично прикончить, когда придет пора, то у этого кого-то имеются весьма серьезные основания, – проговорила фигура.

Ты повернулся к Лизе и внимательно посмотрел в ее лицо: оно не шевелилось, глаза ненавидяще и невидяще смотрели в пустоту, алый фонтан из ее носа замер.

– Что за основания? – вновь спрашиваешь ты.

– Всякие разные, – торопливо последовал ответ. – Может быть, например, вдруг кто-то когда-то принимал участие в событии из ее детства, в коем присутствовали такие красочные атрибуты, как бомбежка, обстрелы, резня, уничтоженный до основания дом, убитые родители, несколько зарезанных братьев. И другие виды разнообразных мучений и боли, через которые ей пришлось пройти... Немножко вследствие чьих-то деяний.

Ты отстранился от Лизы, скальпель машинально выронил. Кураж и волнение, несмотря на собеседника рядом, покинули тебя. Осталась безумная, чудовищная апатия. И внезапная запредельная тоска.

– Я убил ее родню?

Ответ пришел не сразу, но пришел. Утвердительный.

– Ни черта не помню, – выговорил ты.

– Не удивительно.

Ты безразлично смотришь на фигуру.

– Что дальше?

Нечто похожее на голову собеседника немного склонилась влево.

– Давайте-таки уберемся отсюда. Вы согласны, маршал Химмель?

Ты осмотрел кабинет, доктора, вероятно, дважды спасшего тебе жизнь, Лизу, едва ее не отнявшую, резной стол, неподвижные часы, груды книг.

– Согласен.

...Прозвучавший выстрел оглушил женщину. Но она не заметила писка в гудящих перепонках. Все ее внимание было приковано к тому месту, где только что, – вот только что! – стоял человек, убивший ее детство, уничтоживший ее жизнь, человек, из-за которого ее существование, самое бытие стало адом. Она, заливая кровью из носа и без того бордовый окровавленный халат, с диким взглядом озиралась, после чего выскочила в коридор. Кругом стояло тягучее молчание, давящая тишина, в палатах и других помещениях лежали трупы от ее рук, но главная жертва непостижимым образом ускользнула. Что произошло? Совершенно неясно. Его способности, судя по показаниям, сошли на нет, он стал абсолютно обычным человеком, поэтому с бухты-барахты исчезнуть не мог.

Однако его и след простыл. Ни в одной палате, ни на одном этаже, ни во дворе больницы, – нигде его не было.

Сидя в тусклом ночном свете у распахнутых дверей лечебницы Алхилл, в которой не осталось ни единой живой души, Лиза зарыдала и зарычала, взвыла и закричала, закатываясь в истеричном иступлении.

Глава 4.

Dual

40 год Новой Федерации

Литтл-Таун

«...такие примеры затуманивают и без того неясный смысл диалектической триады, делая её расплывчатость просто угрожающей, – это очевидно; в какой-то момент, охарактеризовав развитие как диалектическое, мы сообщим только то, что развитие проходит определенные ступени, то есть очень немногое. Интерпретировать же этот процесс развития в том смысле, что рост растения есть отрицание зерна, которое перестает существовать, и что созревание многочисленных новых зерен есть отрицание отрицания – некое новое начало на более высоком уровне – значит просто играть словами...»

«Вопросы философии»

Рука Ани и без того дрожала от усталости, поэтому она с превеликим трудом удержала светильник, Эш сдавленно охнул, но вовремя утих. Лишним будет говорить насколько дед их напугал.

– Т-с-с! – сразу приложил он палец к губам и затянул свою трубочку. Мальчик едва-едва не закашлялся. – Бабульку с родаками разбудите.

– Но... – голос Ани с громкого резко перешел на шепот. – Как ты...?! Как?!

– Как я что? – улыбнулся дедушка, выпуская дым, – Узнал о пропаже рукописи? Или услышал двоих дуралеев, пока шел в туалет?

Дети умолкли, с великой осторожностью и необычайной внимательностью следя за дедом.

– Успокоились оба, е-мое, – недовольно сказал тот. – Хотел бы заложить – уж наверное не пришел бы к вам.

Ребята переглянулись. Действительно, более ожидаемо было бы для него пойти к бабушке и все рассказать. Значит, на уме у престарелого родственника крутилось что-то иное.

– Вы оба, – продолжил дедушка, потянул трубку, выпустил дым. – Сильно меня расстроили. Особенно ты, Аня.

– А чего я? – сразу отреагировала девочка.

– Три года языком с тобой занимаюсь, а переводит брат. Не стыдно?

Она молчала, исподлобья наблюдая за стариком.

– Хорошо, допустим вдвоем, но все же можно как-то поточнее и пообширнее переводить, а? – напирал дед. – Каждый день слова долбим, а в итоге «тралсум» минуту вдвоем вспоминаете. Что за дела такие, я вас спрашиваю? Давайте тогда будем не час заниматься, а два. И задания начну задавать. Все лето, все каникулы свои проведете за книгами.

Дедушка, кажется, по-настоящему немного распалился, лицо приобрело так редко видимую серьезность и даже суровость. Ребятам стало обидно и действительно стыдно от его слов.

– Ну чего ты начинаешь, – сказала было Аня, но брат ее перебил.

– Дед, тут, во-первых, текст, написанный рукой, а не книга, почерк непонятный, слов не разобрать, – проговорил брат со старательной рассудительностью. – А, во-вторых, сам говорил, что язык от учебника и язык от живого человека – это разные вещи. Некоторые фразы и словосочетания использованы в нестандартной форме.

– Ты бы так переводить научился, как пререкался, – попенял старик. – А ты, Аня вместо воровства книг с полок занялась бы чем-нибудь серьезным. Родители битый год отдают во всякие спортивные секции, а толку ноль.

– Это все скучно, я сто раз говорила! – зашептала девочка. – Будет мне восемнадцать, как все настоящие женщины, лучше в военную академию пойду.

От этих слов седой мужчина в кулак закашлялся, пытаясь свести звук к минимуму.

– Через мой труп, милая, – проворчал дед с трудом, выдыхая остатки дыма. – Через мой труп.

– Чья это рукопись? – спросила Аня, резко меняя тему.

Оба ребенка поняли, что им ничего не грозит. Значит, можно и нужно выяснять как можно больше и быстрее.

Опять у кого-то залаяла собака, где-то замычали. Облака, полностью обнажили высокомерно-холодный лунный свет.

Престарелый мужчина не без веселой искорки в глазах смотрел на детей.

– Автор страниц, которые вы держите, носил имя Хао, – спокойно ответил он, делая новую затяжку. – Написаны они... Дайте-ка подумать... Тридцать? Да, тридцать лет назад.

Старик, судя по виду, не удивился реакции внуков: слова огорошили их сильнее, чем его появление. Ребята переглянулись с лицами, полными и страха, и бескрайнего удивления, и нескрываемого возбуждения.

– Что забавно, тоже примерно в июле, – продолжил дедушка задумчиво.

– Что, прямо *тот* самый? – прошептал Эш.

– Прямо тот самый. – ответил дед.

– А почему он пишет, будто история начинается не с него? Он изложил детали истории, да? – затараторила Аня. – И к кому он обращается? К тебе?

Эш моментально подхватил.

– Он правда написал тебе, деда? Там про... Про все приключение написано? Правда? – удивленно спросил мальчик, глядя на стопку желтых бумаг.

– Тише, тише, – хрипло и едва слышно засмеялся старик. – Не совсем мне. И там не только про воспоминания о нашем... приключении, ага. Воспоминания – меньшая из проблем. А заваруха-то в самом деле началась не с него и не с нас.

– Ты про ваш поход на Святую Землю? – уточнила девочка.

Докурив, старик аккуратно, не вытряхивая пепел, спрятал трубку в карман пижамы, развеял рукой дым и уселся поудобнее в кресле.

– Про него, – последовал ответ. – Бабушка до сих пор считает, что способна утаить от вас прошлое. Но, как по мне, затея дурацкая. Уверен, будь шкаф открыт, вы бы к нему и пальцем не притронулись.

Ребята усмехнулись. О чем-то таком они изредка сами думали. Красть книги, искать в них что-либо было необычайно интересно больше не из-за тяги к знаниям, а от осознания тайны и запретности. Знания, в особенности научные, в их время были общедоступны, а самое главное – буквально разлиты по воздуху, благодаря Сети. А общедоступные знания мигом становятся неинтересны. А вот информация о прошлом – вот настоящий ларчик под замочком! И все молчат об этом прошлом, что самое характерное! Все чего-то умалчивают, стыдливо прячут глаза, в страхе грозят замолчать. Учителя, политики, всякие лидеры мнений, писатели, журналисты, – все боятся приоткрыть этот ларчик для молодежи. А уж Ане с Эшем было вдвойне горько, что они, прямые потомки аж двоих участников из этого гремящего прошлого, тоже ничего не знали и не могли прознать о недавних, в общем-то, событиях.

Но давайте простим детей: не ведают они, что прошлое – штука весьма недешевая, и дабы узнать из прошлого хоть что-то чуточку похожее на правду, надо хорошенько заплатить или хорошенько потрудиться.

Сейчас оба затаили дыхание. Похоже, дедушка наконец-то решил хоть что-то рассказать. И брат, и сестра уже долго спорили кто же из стариков первым «расколется». Сходились во мнении, что это будет дед. Бабушка на корню пресекала любые разговоры о прошлом, причем неважно чьем, – своем или дедушкином, – а имя Хао и вовсе находилось только что не под табу. Родители с дядей также не распространялись по данному вопросу. Но вот прямо в их комнате сидит непосредственный свидетель многих событий, который готов что-то поведать.

Но дедушка замолчал. Ребята подумали, что уснул.

– Да, – сказал он наконец. – Пожалуй, лучше начать с той дуэли. Асуро и Кая. Случилась она... Не ошибиться бы...

– В тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году по летоисчислению Республики, – выпалил Эш.

– О как? Ну раз ты так говоришь... – снова улыбнулся старик. – Короче. Двум рейханам тесно в мире, как тогда говорили. И они сошлись в месте, где по традиции издревле рейханы защищали свои титулы. Или же теряли их. Это место – Уль... То есть Святая Земля. Чтобы в некогда Новом Свете остался один единственный властитель.

– Почему именно с этого начинаешь? – спросила Аня.

– Видишь ли, результаты их столкновения сыграли большую роль в судьбе Хао, моей, бабушкиной и в судьбах тысяч, сотен тысяч, миллионов остальных... Про Асуро и Кая вы хоть немного знаете?

– Они были джиханами, которые за рекордно короткий период оба получили титулы рейханов, создавая инцидент... – ответил Эш.

– Прецедент, – поправила сестра.

– Да, его. Короче, впервые за много веков появилось одновременно два рейхана, причем королевской крови, – сказал брат, усиленно вспоминая газетные и прочие урывки информации, которые удавалось перехватить или найти.

– Мировая Республика назвала это «Эпоха двух рейханов», хотя она длилась отнюдь недолго для эпохи-то, – продолжила Аня. – Все тогдашние бандиты объединялись вокруг Асуро или Кая, разделяясь на два лагеря. Как я поняла, могла получиться грандиозная войнушка.

Дедушка иронически и не без насмешки переспросил:

– Как-как? *Войнушка?*

– Я хотела сказать... – Аня смутилась. – Те кто за Реда пошли бы драться с теми кто за Кая, все такое. Началась бы большая битва. М, верно?

– В целом, да, вы правы, – согласился дед. – Тогдашний Новый Свет буквально кипел, как котел, в преддверии столкновения. Понятно, что джиханы, —заметь, Аня, не бандиты, ибо разница есть, – потеряли бы слишком много людей и ресурсов, случись та война. Но Асуро и Кай, понимая, что ослабленный победитель не смог бы потом противостоять Республике, договорились сойтись один на один, тем самым предотвращая очередную бессмысленную бойню.

Дедушка помрачнел и уставился в открытое окно, за которым ничего не изменилось: теплая, спокойная летняя ночь всегда одинакова.

Дети ждали пока старик вновь заговорит.

– В итоге, они сошлись в дуэли, – наконец сказал дед, немного отойдя видимо от каких-то воспоминаний. – На Уль... Тьфу, на Святой Земле, в тысяча девятьсот, – хех, – восемьдесят четвертом году.

Новый Свет, 1984 год по летоисчислению Мировой Республики.

Где-то в районе Ультимо-Сперанзо

Асуро сидел на остывающем песке. Он любовался видами послезакатного неба: мириады звезд раскинулись на небосводе, образуя причудливые, разнообразно-хаотичные фигуры. Сидящая рядом женщина закрыла глаза и нежно опустила голову на его плечо.

Парочка молчала продолжительное время. Аккомпанементом их молчанию стали не только естественные звуки природы, но и отдаленные развеселые голоса.

– Пойдем к остальным? – шепотом промолвила женщина.

Поглощенный созерцанием неба, Асуро ничего не ответил. Его спутница, не получив ответа, тяжело вздохнула и поудобнее улеглась на каменно-крепкое плечо.

– Знаешь... Оно все жутко обидно, —вдруг начал черноволосый. Женщина сразу отпрянула от его плеча и вцепилась в него взглядом.

– Мы как муравьи в банке: ползаем, чего-то мечемся, переживаем, любим, рождаемся, умираем, – проговорил он. – Смерть, жизнь – все кажется нам крайне важным. Потому что иного у нас нет. Но для них, – он кивнул в сторону звезд. – Для этих гадов – суета, все суета. В сравнении с этими погаными искрами, мы – всего лишь мимолетный проблеск сознания. Короткий и бесцельный. Хотя даже миллионная часть из них в тысячи раз крупнее нашей планеты. Можно подумать, что они создали нас, чтобы познать самих себя.

Тонкие брови женщины поползли вверх, ее миловидное лицо окрасилось удивлением, и сразу после – недоумением. Асуро же продолжал:

– Кажутся одинаковыми, но такое впечатление обманчиво. Смотри, – он одной рукой приобнял ее, чуть-чуть наклонился к ней, другой же указал на небо. – Видишь вон те две, ослепительно яркие? – женщина посмотрела в направлении его руки. – Они слегка пульсируют – столько в них энергии. Их сразу замечаешь. И вон, снизу. Куча мелких. По одной их почти не отличить, но собираясь вместе они бросаются в глаза.

Женщина тоже вскинула руку и указала на небо.

– А там, смотри. Еще одна яркая какая, малюсенькая... И совсем не одна, вокруг нее несколько маленьких, – заметила она.

– Это правда, – сказал мужчина хриплым, нождачным голосом, после чего поскреб небритые щеки. – На людей чем-то похожи, не находишь? Есть одиночки, а есть массы, но в массе каждая звезда становится частью огромного целого, чего-то абсолютно другого. Ощущая собственную самость что ли... Чисто как мы. А яркие звезды гаснут или одиноки... Одиночество – спутник яркости, во как! – сказал он и почесал свои взлохмаченные черные волосы. После чего, словно немного потускнев добавил, – И многих из них уж нет. Мы видим тени. Тени миллиардов лет.

Сидящая рядом женщина не без волнения внимательно осматривала его: длиннющие, слегка изогнутые на конце, усы, густые, кустистые брови, вечная широкая улыбка.

– Какие вдруг тебя мысли посетили, – промолвила она с мягкой подозрительностью, изучая лицо соседа.

Он громко хохотнул, посмотрел на нее фиолетовыми глазами, которые даже в наступающей темноте лучились яркостью.

– Всегда на трезвую голову думается о всякой ерунде, – признался он, почесывая макушку.

– Асуро, не начинай! Никакой выпивки, ты должен быть сейчас максимально сконцентрирован, – женские тон и голос миглом приобрели строгие учительские нотки. – Сам знаешь где тебе нужно быть на рассвете и для чего.

Он поморщился, поковырял в носу и резко встал. Несмотря на сутулость, он был необычайно высок и массивен, поднимавшаяся вслед за ним женщина едва доставала ему до груди. Мужчина вскинул голову и снова посмотрел на небо: выпуклый, темно-сине-фиолетовый небосвод едва заметно, словно таясь и стесняясь, пересекла яркая падающая точка.

– Асуро! Юля! Че вы там встали? Давайте к нам!

К ним подходила пошатывающаяся фигура, с бутылкой в руке.

– Такая ночь. Грех не веселиться! Э, стоп... Ты че, трезвый, что ли?

– Сол, прекрати! Ты же знаешь, ему сейчас нельзя! Забыл, что он скоро отправляется туда?!

Юля указала на исполинскую гору, которая черным, огромным гигантом возвышалась на горизонте. Сам Асуро был явно другого мнения: он молча стоял и жадно пялился на бутылку в руке друга.

– Эх, ну ты и зануда, – сказал Сол, поправил очки, сделал мощный глоток, смачно булькнув, и направился обратно к костру, за которым уже сидела небольшая компания. Юля схватила Асуро за руку и тоже двинулась вслед за ним.

Костер изредка колосился потрескиванием, плевал искорками. Вокруг него собралась небольшая компания из трех человек. Сидящий с краю, громадного роста чернокожий детина держал над костром большой кусок мяса, попутно отхлебывая из бутылки. Правее от него сидел низенький старичок, кажущийся особенно миниатюрным по сравнению со своим соседом. Он молча, с каким-то королевским достоинством, посасывал свою длинную деревянную трубку. Сделал затяг – выпустил ароматные клубни дыма. Зажмурился. Табак, по специальной просьбе старичка, Асуро достал во время своего пребывания где-то на далеком юге Нового Света. На рынках Старого же Света за него можно было выручить кругленькую сумму, но старичка это нисколько не заботило, – он сидел и безмятежно курил.

– Ринго-джан вам сделать такой же? – учтиво спросил темнокожий бритоголовый великан густым басом.

Старик молча отказался и продолжил наслаждаться трубкой. Гигант вопросительно посмотрел на мужчину по другую сторону костра. Тот развалился на земле, умиротворенно посапывая в огненно-рыжую бороду, изредка причмокивая во сне. Борода немного топорщилась, в такт дыханию. Темнокожий пару раз прикрикнул: «Лев? Эй, Лев?!». Спящий не шелохнулся. Несмотря на то, что Лев Эйхманн немногим уступал по комплекции Лысому Джо, а по выносливости самому Асуро, ему было достаточно прямо-таки пары капель слабейшего из вин, чтобы грохнуться в беспамятстве. Сол куда-то подевался, поэтому темнокожий, поджарив мясо до нужного состояния, принялся его кусать.

Со стороны берега раздались переругивающиеся голоса. Они приближались и Джо уже мог разобрать кто был кто: нежный, высокий и чистый женский голосок явно принадлежал

Юле. Другой был низкий и веселый, с пьяными нотками, – наверняка Сол. Вечно он валяет дурака, когда не надо. Третий хрипловатый голос изредка что-то бурчал.

– ...Даже немножко, даже капельку! Он должен быть максимально сосредоточен, понимаешь?!

– Да ладно тебе, один стаканчик перед боем никому не повредил. Тем более...

– Юль, от стаканчика-то я не окосею.

– Повредил! Он туда идет не с шайкой бандитов сражаться, идиот!

– Э, попрошу без оскорблений, дамочка!

– Хватит вам. А то опять подеретесь...

В свет костра вышло трое. Сол, икнув, сразу плюхнулся на песок и потянул руки к огню, не выпустив бутылки. Женщина невесть откуда достала разноцветный коврик, расстелила его и аккуратно присела. Асуро, улыбнувшись при виде похрапывающего Льва, немного подумав, приземлился рядом с престарелым Ринго, который на прибывших не обратил никакого внимания, продолжая выпускать дым из ноздрей. А костер же продолжал гипнотически играть языками собственного пламени.

Где-то в окрестностях Ультимо-Сперанзо

Первые солнечные лучи застали беловолосого, как мел, мужчину стоящим на коленях: руки скрещены на груди, голова опущена, глаза прикрыты. Приходила на ум аналогия с неподвижностью статуи, учитывая некую молочную бледность сидящего, но она бы оказалась не слишком верна. Порой геометрически идеальное лицо подергивалось, менялось, как если бы он силился расслышать приглушенную и знакомую мелодию.

Недалекое переливчатое журчание ручья дерзко нарушало окружающую безмолвную гармонию. Беловолосый размеренно дышал, его широкие плечи плавно поднимались и опускались. Ни единым движением, ни звуком, ни ветром природа не мешала ему – само время остановило свой ход и заставило замереть все вокруг.

...Но вот вдруг поднялся ветер, деревья закрипели, пространство ожило вместе с окружающей обстановкой: вернулось пение птиц, шум океана, рычание зверей в лесу. Мужчина неторопливо открыл глаза.

Он посмотрел в сторону солнца: наступало утро, следовательно, пора отправляться к назначенному месту дуэли. Путь предстоял неблизкий, а опоздание —неприемлемо. Хотя он имел абсолютнейшую уверенность, что его оппонент вовремя не появится. Но с этим, к сожалению, ничего не поделаешь.

Беловолосый медленно встал, размял мощную шею, поднял с земли свое синее пальто-шинель, не спеша надел его, отряхнув рукава, колени, поправил воротник, проверил все нашивки и погоны, провел руками по золотым пуговицам, снова поправил воротник, после чего осмотрелся: меч лежал ровно в том месте, где он его оставил. Богато украшенные ножны приятно переливались в окружающем свете. Небо, после долгой ночи, приобретало светло-фиолетовый оттенок, где-то вдалеке бледнели облака. Он поморщился: день будет явно очень жарким, да и этот специфический местный небесный окрас мужчины, говоря по чести, недолюбивал. Имелось в этом небе молочно-фиолетовом, с оттенками светло-голубого, а временами – светло-оранжевого, – имелось в этом что-то тяжелое. Что-то ненастоящее.

...По мере удаления от берега пейзаж вокруг менялся. Пройдя сквозь небольшой лесной массив, мужчина в синем одеянии вышел на древнюю, рассыпающуюся под ногами дорогу, ведущую к необъятному, бескрайнему плато, уходящему за горизонт. Давным-давно ничего не знало это место, кроме затишья и безмятежности. Окружающее беззвучье не угнетало беловолосого. Скорее всего, наоборот, ему нравился тот абсолютный, истинно королевский, монументальный покой, царивший на пыльных просторах.

Понемногу стали появляться разнообразные строения, но скорее развалины: основы фундаментов каких-то зданий, круги, в центре которых стояли исполинские колонны с письменами на вымерших языках; прочие изваяния, потрескавшиеся и пожелтевшие от времени, на половину зарытые в изжелта-бледный, янтарный песок. Мужчина помнил, что колонн было двенадцать. Почему-то этот факт врезался ему в память.

Кажется, любой ученый отдал бы жизнь, единственно для того, чтобы оказаться здесь, на Ультимо-Сперанзо и посмертное существование, чтобы все здесь изучить. Но беловолосого окружающие древности нисколько не интересовали, он целенаправленно шел по ветхой дороге к грозно возвышающейся горе.

– А потом... Ха-ха!... А потом он мне и говорит: «Извините, я не знал, что вам назначено»... – весело захохотал Сол.

Небольшая компания повалилась со смеху. Очнувшийся Лев гоготал громче остальных своим характерным смехом, больше похожим на рык медведя.

– Значит вы все-таки разгромили тот дворец, да? – чуть разочарованно спросила Юлия. – Никакой тонкости в вас нет.

Она укоризненно посмотрела на Асуро. Сол скривил рожу и противным голосом передразнил ее. Юлия проигнорировала очередной выпад.

– Что оставалось делать? – Асуро спросил всех собравшихся. – Мы проторчали десять часов ради того, чтобы сказать местному королю о предстоящем нападении армии Гейдриха. А в приемной некий по-бабски одетый пацан сто раз повторяет одно и то же, – Асуро встал, принял забавную позу, видимо изображая того пацана и проговорил фальцетом, кривляясь. – Вам назначено? Или не назначено? А если назначено, то кем? Или не назначено? И почему вы кричите на меня?! Я сейчас охрану позову! Нет, я не знаю кто вы такие. Да, я понял, что у вас важное дело к Его Превеличайшеству, но, увы, они сейчас очень заняты. Да, я понимаю, что вы ждете уже пол дня, но поделаться ничего не могу... И так целый день. Вот мы с Солом и решили ...mmm... ускорить процесс.

Новый взрыв хохота. Даже старик Ринго слегка улыбнулся, потягивая трубку.

– Что ж предлагаю тост: За решительный подход к делам! – Лев поднял кружку с ромом.

– И за победу, – вставил Джо.

Все разом смолкли. Искра веселья почти на всех лицах угасла, как если бы ее сдуло невидимым ветром. Единственный, кто не утратил благодушия – Асуро. Он с насмешливым прищуром оглядел каждого.

Так, в неловком давящем ступоре постояли пару мгновений.

– Выпьем же, – наконец, проговорил Сол.

Костер догорел и плавно погас, но в нем не было большой необходимости. Неумолимо наступило утро нового дня, который обещал быть исключительно ясным. После бессонной ночи Сильвер де Реймс, Джостар Лондей и Лев Эйхманн безмятежно спали прямо на земле, точнее на прибрежном песке, рядом с дотлевающими углями. В соревновании самого громкого храпа, по мнению Асуро, пока побеждал Джо, но у Льва были неплохие шансы вырваться вперед. Сол же держался в аутсайдерах, так как количество выпитого ввергло его в такое состояние, что сил на храп у организма попросту не осталось. Юлия, свернувшись калачиком на своей подстилке, тихо посапывала, отвернувшись от мужчин. Асуро оставалось гадать, где она умудрилась здесь достать подушку. Единственный кто так же, как и Асуро не спал, был Ринго. Он сидел в стороне ото всех.

Асуро глубоко вздохнул, посмотрел на совершенно изумительное, волшебное небо. Посидел немного и, наконец, встал. Отыскав черный широкий меч причудливой формы, он прислонил его к спине и зашагал к старику, с каждым шагом приятно утопая в песке.

Все вокруг пробуждалось, один океан остался прежним, – мягкие, ласковые звуки волн тихонько пошепывали, накатывая-откатывая от берега. На подошедшего Асуро старик не отреагировал, в общем-то, никак.

– Бессонница? – спросил черноволосый с кривой улыбкой.

– Нет, – ответил тот, кого звали Ринго. – Занимаюсь незатейливым: слушаю воду. Люблю я здешние места, ничего не могу с собой поделаться. Красиво, как нигде. Сам воздух особенный. Давно хотел вернуться, благодарю за возможность.

Асуро немного помолчал, наблюдая за бегущим по берегу крабом. После некоторого раздумья сказал:

– Вот и все. Пора.

– Что будешь делать? – спросил Ринго.

– У меня есть выбор?

– Теоретически да. Вопрос в том, веришь ли ты в него.

– Не особенно, – ответил Асуро, провожая взглядом краба, который шустро спешил к воде.

– Тогда отступись, – спокойно сказал Ринго.

– Как ты себе это представляешь?

– Лучше у себя спроси.

Пенистая волна подхватила краба и унесла в свою пучину.

– А если у меня ответа нет? – голос у Асуро был спокоен.

– Тогда подчинись судьбе, если нет силы на выбор.

– А какой в нем смысл если все решено?

– Ты стоишь перед ним и сам принимаешь решение... Вот и весь смысл. – невозмутимо сказал старик.

– Иду от неведомого к неизвестному, – сказал Асуро, наблюдая мерно играющие волны.

– Не ты один.

Асуро недовольно усмехнулся, глядя на собеседника: он был невысокого роста, худой, седой и весь сморщенный. Но все равно будто крепкий, может статься, когда-то, невообразимо давно, он был сильным мужем. Собственно, он им и был.

– Просто действуй, – продолжил Ринго. – Действуй согласно своим убеждениям. А дальше оно видно будет.

Высокий мужчина в красном плаще-пальто зевнул. Молчавший рядом Ринго сидел все в той же позе.

– Ночью мелькнула Слеза Воина. Видел? – спросил черноволосый.

Ринго на это промолчал.

– Ах, ну да. Забыл. Тебя же подобное веселит, – продолжил Асуро с горчайшей иронией. – Знаки и суеверия – не твой уровень.

Ринго продолжал молчать.

Асуро глубоко вздохнул, потянулся, проделал некое подобие разминки, развернулся и зашагал в направлении огромной горы, возвышающейся вдали. Прощаться ни один, ни второй не стал.

По дороге к лесу кто-то окликнул. Это был Сол. Он стоял, прислонившись к дереву, с чуть съехавшими очками, с руками в карманах, полусонный, но вполне в сознании.

– Ну ты даешь! – черноволосый мужчина с мечом за спиной засмеялся. – Как тебя ноги-то держат?

Ноги, видимо, весьма неуверенно держали Сола: громко икнув, он едва не повалился на землю.

– Чтоб меня свалить нужно столько же, – четко и членораздельно сказал Сол.

Асуро неопределенно мотнул головой и подошел к нему, но стараясь держаться подальше от запаха перегара.

– Скажешь какую-нибудь речь для таких ситуаций? – спросил он.

Сол в ответ рыгнул.

– Тоже ничего, – усмехнулся черноволосый.

Справившись со вторым позывом, Сол поправил очки и выговорил: «Ты должен мне проспоренную бутылку Черного Моргана».

– Помню.

– Жду ее сегодня вечером. На худой конец утром, завтра...

Из глубины леса послышался рев, клики улетающих птиц. Асуро молчал, подыскивая слова для ответа.

Солнце подползало к своему зениту, будто неприятное свидетельство того, что он опаздывает, поэтому пришлось пробежаться по крутой дороге, уходящей вверх. Даже для очень тренированного человека не самая простая задача. На вершине горы его, конечно, ожидали.

Ну уж кто бы сомневался.

Человек в синем пальто сидел на плоской каменной площадке, по которой нельзя было точно сказать, сама она образовалась или это дело рук человеческих. На коленях у сидящего лежал длинный меч.

К площадке вело две дороги, по которым, собственно, двое сюда и попали. Дороги завершались старыми на вид ступенями, на каждой из которых что-то изображалось, от странных иероглифов до схематичных рисунков.

Пейзаж вокруг представлялся живописным: разноцветное небо, перламутрово-фиолетовых оттенков, сзади и по сторонам раскинулась пустыня с древними развалинами, за ней виднелись джунгли с огромными деревьями. Темноволосый мужчина отдышался, потом смачно плюнул, вышел на плато, оперся на меч и поглядел на своего оппонента.

– Здорово, Кай! Как жизнь? – хрипло спросил он.

Беловолосый сидел и был похож на белое пятно в разноцветном полотне, пристально следя ярко-фиолетовыми глазами за действиями Асуро.

– Опаздываешь, Ред, – ответил Кай. Он говорил необычайно тихо, но так, что не услышать его было невозможно.

– Извиняй, – Асуро ухмыльнулся. – Подъем оказался дольше, чем я думал.

Ударом ноги по низу меча черноволосый поднял его, направив острие на Кая.

– Давай начнем? Че рассусоливать? – непринужденно спросил он.

Кай с готовностью, молча и резко, сорвал ножны со своего длинного клинка. Без единой эмоции на лице медленно поднялся.

– Ох, ей Богу, ну и жуткий ты... – протянул Асуро. То ли серьезно, то ли с насмешкой.

Столица Мировой Республики, город Гелиополис

Генеральный Штаб Вооруженных Сил Мировой Республики

В необъятном, слабо освещенном зале прямо по центру находился длинный прямоугольный стол. За ним сидело трое. Каждый занимался своим делом: один, полулежал, извернув шею на девяносто градусов и, что называется, кемарил. Сидящий рядом с ним неодобрительно посмотрел на своего соседа своим единственным правым глазом, отрываясь от прочтения газеты. Очень широкий мужчина напротив пытался избавиться от пятна на рукаве своего мундира, яростно затирая его пальцами.

Критически поглядев на свой рукав и удостоверившись, что пятно никуда не делось, темнокожий человек с рыжими бакенбардами, в маршальских погонах, нетерпеливо и хмуро обратился к соседям

– Ну? Долго ждать?

Один в погонах генеральских, отложив газету, проверил часы.

– Должны были прийти. Точнее фельдмаршал должен был. На счет Химмеля голову на отсечение даю: в такую рань он и пальцем не пошевелит.

– Поверьте мне, он явится, – сказал дремлющий рядом, тоже в генеральской форме.

– Откуда вдруг такая уверенность? Он на показательные построения редко приходит, а тут, считай, неофициальная встреча, – заметил одноглазый.

На это лежащий туманно ответил что-то вроде: «Я принял меры».

– Между прочим, каков повод для данного... консилиума? – спросил маршал.

Одноглазый поднял газету, показывая титульный лист. На нем, прямо на передней полосе изображались две листовки с подписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ». Лица на них так разительно отличались, что оставалось удивляться, как *настолько* непохожие друг на друга могли изображаться рядом. Словно кто-то пошутил, когда решил разместить их подле.

– Уже несколько лет к ряду повод у нас один, – усмехнулся генерал. – Точнее два. Одного зовут Асуро, другого Кай.

С одной фотографии на маршала пронзительно смотрел молодой мужчина. Лицо имело точеные, аристократические черты: правильный овал, орлиный прямой нос, не широкий, но и не узкий подбородок, аккуратные скулы, впалые, гладкие щеки, бледность. Шея переходила в плечи, ширина которых выходила за пределы фотографии. Крупные, яркие глаза шурились. Тонкие, длинные брови, изогнувшись, придавали взгляду бесконечное презрение. Несмотря на свой возраст, бледнолицый был седой, во всяком случае, волосы имели пепельно-белый оттенок, слишком неживой и светлый даже для типичного блондина.

На другой же фотографии был запечатлен мужик, выглядевший ощутимо старше своего млажавого соседа, но маршал точно помнил, что они ровесники, с разницей в два года. Он вечно путал кто младше, но разница именно такова. Тем временем, физиономия с газетной страницы лыбилась, яростно глядя на фотографа. Черты лица полнились буйной грубостью дикого зверя. И довольно длинные, торчащие во все стороны волосы, и покрывавшая пол лица неаккуратная щетина, изогнутые, зачем-то фигурные усы, – все было чернушно-черного цвета. Такие же черные, кустистые брови, сходились на кривой толстой переносице. Большой пористый нос имел в чем-то клоунскую, картофельную форму.

Единственное, что объединяло два изображения был цвет глаз: ярко-фиолетовый.

– Что они на этот раз натворили? – маршал потер бакенбарды.

– Пока ничего, – одноглазый снова повернул к себе газету, раскрыл и стал читать. – Но судя по всему, скоро... Сегодня прямо и натворят.

Лежавший на столе, слегка нахмурился и, наконец, поднял голову, тоже начал читать газету.

– Откуда репортерам опять все известно? – спросил он ломким ото сна голосом.

– Вода всегда найдет дыру. Опа, они ставки делают. Хм... – глаз генерала внимательно пробежал по строчкам. – Получается пятьдесят на пятьдесят.

– У них новая дуэль? – спросил рыжебородый. – Нашли из чего шум сделать...

– Дуэль. Но на этот раз – на Святой Земле, – окончательно проснувшись ответил другой генерал тоже уткнувшись в газету, шурясь. – Почему я узнаю об этом только сейчас? И, боже мой, Мик, как ты можешь читать в такой темноте?

– У них дуэль на Ульtimo-Сперанзо, прямо на горе Шоней, – не замечая недовольства своего соседа, ответил одноглазый.

– Да ладно?! Дай сюда, – маршал уже протянул за газетой свою широкую, короткую руку, с пятном на рукаве, как все помещение наполнил звук открываемых ворот.

В зал зашел давно пожилой вояка, в усыпанном различными лычками и значками кителе с самыми узорчато-массивными погонами, чем у кого бы то ни было в зале.

– Газета не врет, господин Юн. Все верно.

Генералы привстали. За ними, шумно отодвинув стул, лениво последовал и Юн.

– Сядьте, —усталый голос вошедшего был сух и резок. – Нашли время.

Твердо шагая по каменному полу в начищенных до блеска туфлях, фельдмаршал медленно прошел к самому высокому стулу во главе стола и, кряхтя, сел.

Все плюхнулись обратно. Один окончательно проснувшийся генерал продолжал стоять, глядя на медленно закрывающиеся тяжелые ворота и коридор за ними. Там, отдаваясь эхом, слышались шаги, потом чьи-то ругательства. Через секунду показался силуэт человека, на ходу натягивающего китель, в тапках и шортах, спешно семенящего к залу. Перед входом, потеряв тапок, мужчина пропрыгал за ним назад, поддел ногой и ловко протиснулся в закрывающиеся двери. Зал наполнился звуками запыхавшегося дыхания.

– Началось? – проговорил вбежавший с отдышкой.

Маршал Юн захохотал. Одноглазый Мик и фельдмаршал весело переглянулись, один генерал Гин невозмутимо отдал честь.

Вошедший, поправляя китель, с негромкими ругательствами прошел к стулу рядом с маршалом, ловя на себе усмешку и презрение последнего, недовольно сел, закинув ноги в мягких плюшевых тапках на стол.

– Смешно тебе, да?! В гробу я видел такие собрания! Никогда бы не пришел!

– Не скрою: ваше присутствие немного удивляет, маршал Химмель, – заметил фельдмаршал.

– Ей-богу, не планировал. Если б не два ополоумевших сержанта, остаток военной карьеры которых теперь пройдет за промыванием унитазов в звании рядовых, – в жизни бы не появился на подобном сборище!

– То есть? – Мик изобразил удивление.

– То и есть: лежу я, отдыхаю после... ночи, как ни с того, ни с сего двое каких-то вздумали барабанить в двери, окна, что-то кричать про собрание срочного совета и так далее, и тому подобное. Я им и приказал, и угрожал, чтоб к такой-то матери убирались. Так нет! Упорно пытались меня разбудить, пока обоих не вырубил, – маршал потер кулак. – Но уснуть вот не вышло... Гин, признавайся: твоих рук дело?!

Сидящий рядом Юн покачал головой и снова принялся за рукав. Генерал Гин как ни в чем ни бывало невинно пожал плечами, буркнув: «Никак нет».

– Короче, надеюсь, произошло нечто не меньше конца света! – хмуро проговорил Химмель.

Мик кинул ему немного мятую газету. Химмель брюзгливо взял ее и пробежал глазами титульный лист. После чего скептически обратился к фельдмаршалу:

– Очередная утка? Потому что я таких данных не получал.

Взоры всех обратились к седому пожилому мужчине во главе стола. Тот сидел, лукаво поглядывая на всех из-под сведенных вместе пальцев.

– Это правда. Сегодня, на рассвете, скорее всего, прямо сейчас, они наконец решат кто же будет править на Ультимо-Сперанзо и, фактически, всем Новым Светом.

Сидящие друг напротив друга генералы и маршалы быстро переглянулись. Химмель медленно убрал ноги со стола, вчитался в статью внимательнее.

– И что теперь? – спросил кто-то из собравшихся.

Вопрос не был адресован ни к кому конкретно, однако ответил все-таки фельдмаршал:

– Как мы и ожидали, эпоха двух рейханов заканчивается, но раньше наших расчетов. Победитель дуэли встанет на вершину мира, в прямом и переносном смысле. Он определит направление и характер событий, которые будут происходить после.

Собравшиеся кто внимательно, кто нет, слушали его.

– Дело не столько в них, хотя не мне вам говорить насколько эти двое опасны, сколько в идеях, которые они разделяют. И людях, которые за ними следуют.

– Ха! Ну Ред куда ни шло, но Кая в компании более одного человека встретишь не чаще снега в мае, – усмехнулся Юн.

– Не обязательно явно. Поверьте, определенные круги симпатизируют Каю не меньше чем Асуро, – заметил сидящий во главе стола.

– В итоге кому же больше симпатизируем мы? – дочитав газету и почесав затылок, Химмель снова обратился к фельдмаршалу.

– Официально? Никому, – ответил тот с лукавством. – Мы же противостоим джиханам и в целом всему, что с ними связано.

Общий смех.

– А если по существу, – вымолвил самый старший по званию. – То я никогда не скрывал: по моему скромному мнению, повторяю, по *моему* мнению, Асуро немного опаснее. И вы хорошо понимаете почему: он сделает Новый Свет открытым для всех, с его тайнами, с его ресурсами и его богатствами. Осмелюсь предположить, что и Ультимо-Сперанзо станет общедоступной землей.

– А мне-то казалось нашей главной целью остается если не завоевать, то расширить в тамошних краях сферу влияния, – заметил одноглазый с филигранно спрятанной иронией.

– Оно все так. Но все древние развалины *Павиух* также станут общедоступными, – заметил генерал Гин. – Затем наверняка он предпримет попытку заключить альянс с некоторыми ванханами. И тогда проблем не оберешься. Последний альянс всего лишь двух из них нанес нам огромный урон.

– Спорный вопрос. Насчет альянса, – заметил Мик. – У них всех слишком разные цели и слишком огромные амбиции.

– На наше счастье, – кивнул фельдмаршал. – Однако, вероятность частых и порой неожиданных союзов между влиятельными джиханами нельзя исключать. Кстати, именно этого больше всего боятся там...

Пожилый мужчина изогнул седую бровь и указал пальцем вверх.

– Ну а Кай после победы все сделает с точностью до наоборот, – сказал Химмель, снова уткнувшись в газету.

– Да, прежде всего он постарается закрыть Новый Свет, ясно как божий день. В первую очередь от Республики. Действовать в тех местах будет сложнее, правда сложнее для всех, – закончил Юн. – За армиями с последователями Кай точно гнаться не станет.

Все как-то замолчали, каждый ушел в свои мысли. Мик облокотился на стол и хмуро уставился в его деревянную гладь. Гин откинулся на спинку стула, закинув руки за голову, и стал глядеть в потолок. Юн достал идеально белоснежный платок и с его помощью вернулся к оттиранию своего рукава. Химмель снова положил ноги на стол, демонстрируя всем плюшевые тапки в форме собак.

Фельдмаршал медленно встал со своего высокого стула, снял позвякивающий медалями китель, повесил на спинку, поправил края серого жилета, острый воротник иссиня-белой рубашки, и, держа руки за спиной, подошел к огромному окну. День обещал быть дождливым и пасмурным.

Столица Республики была все-таки красива, хотя до великолепий былых, не ведавших войны с Бахом времен, оставалось далеко. Много сил и средств люди вложили в ее реставрацию: на восстановление улиц, уникальных фасадов домов, многие из которых оставались

настоящими памятниками архитектуры. Виднелись робкие попытки восстановить прежние аллеи, сады, помосты, переулки. Хотя, скорее всего, жителям сытной, лопающейся от благосостояния метрополии просто хотелось воссоздать прежнюю атмосферу величия, богатства и великолепия, некогда здесь царившую. Люди желали вернуть то былое чувство покоя и довоенной обильной жизни. Разумеется, сразу не получилось. Очень скоро стало понятно, что вид разрухи, голод, минометный свист, повсеместные человеческие фрагменты могут уйти из памяти исключительно под натиском времени, ибо ничто другое не поможет. Что же до самого фельдмаршала, то ему до сих пор кое-где виднелись руины жилых домов, кривыми зубьями толпящиеся на улицах; горы трупов, заполонившие эти самые улицы; посреди ночи мерещились вопли и крики раненых или агонизирующие хрипы умирающих. Порой, гуляя по вымощенным дорогам Гелиополиса ни с того, ни с сего появлялось чувство, словно в следующую секунду прилетит снаряд, превращая людей в кровавый фарш... Словом, день битвы за город и конкретно за улицу, на которой находился штаб, остался в престарелом военном навсегда, и никак не получилось вытравить его.

Сейчас народу пока было мало, однако первые магазины, лавки и кафе уже работали, двигались машины, город начинал гудеть, начинал свою жизнь после неординарно длительной ночи. На горизонте виднелся Великий Пояс Островов. За ним шел Новый Свет, а где-то дальше, там, в глубинах той части планеты, как помнил фельдмаршал, хоть и смутно, невообразимо далеко высился Ультимо-Сперанзо.

– С вашего позволения, товарищ командир, – проговорил Юн, – неужели ради пустой болтовни созывали? Если это все, то я пошел.

– Не все. Сел на место, – ответил фельдмаршал, вернулся к столу, достал папиросу и закурил. – Кто должен победить, полагаю, вы знаете. В конце концов, лазутчики и доносчики у вас есть у каждого, я надеюсь. И также надеюсь, что удивления по поводу дуэли вы тут все мастерски импровизировали. В связи с чем у меня для вас три новости. Равные по качеству. Про первые две вы не должны говорить никому от слова совсем. Про третью же и думать забудьте...

Глава 5. Прибытие

*40 год Новой Федерации,
Литтл-Таун*

– Дед, не обижайся, но ничего нового, – проворчала Аня. Эш молча соглашался с сестрой. – Асуро проиграл, Кай стал новым рейханом. Это мы и без тебя знаем. Расскажи лучше про Хао, про вашу встречу. Где был написан дневник, зачем.

– Во время вашего путешествия наверняка случилось что-то интересное, правда? – спросил мальчик.

Дедушка нахмурился и недовольно засопел. Почти как Эш в такие же моменты.

– Цыц! Умные нашлись, – он снова достал свой курительный прибор, ловко все приготовил и принялся дымить. – Окно откройте пошире.

Аня ловко подпрыгнула к окну и распахнула его настежь.

– Если хотите понять, почему все случилось так, как случилось, вы должны знать, что дуэль по ряду причин была изначально предрешена, – сказал старик и дети ожидаемо притихли. – Об этом в ваших книжках не написано, агась?

– Хочешь сказать, Асуро был слабее? – прошептал мальчик с детским испугом. Из того, что он знал об этом герое давних времен, Ред, – именно так его называли остальные джиханы, – ему импонировал больше, чем заносчивый, высокомерный, весь из себя манерный Кай. Ред был прямолинеен, бескомпромиссен, рвал глотки за друзей, никогда не сдавал своих и всегда шел до конца. Настоящий джихан с большой буквы!

– Нет, многие исследователи считают, и я с ними солидарен, что *на момент дуэли* Асуро был сильнее, – ответил дедушка.

– Ерунда, не верю. Кай – непобедимый. Ни одного проигранного боя за ним не числится, – горячо произнесла Аня. Она никому не говорила, уж тем более Эшу, но ее девичье сердечко начинало стучать чаще при виде чудом сохранившейся одной газетной статьи, которую братец где-то стырил. Пожелтела и потерялась газетная бумага, но лик рейхана Кая, удачно запечатленный как-то снизу, оставался различимым, особенно его преисполненный бесконечной силы и самоуверенности взгляд. Недавно Аня со смущением проснулась, после дивного и яркого сна, где она бегала по какому-то плато, что-то искала и плакала, как вдруг перед ней появился высокий-превысокий, уходящий в небеса рейхан. И безжизненное плато наполнилось запахами тысяч цветов, а через миг – самими цветами всех мастей и окрасов. Кай не произнес ни слова в ее сне, лишь смотрел на нее, как на газетной вырезке, с презрением и высокомерием, а она ощутила такую безопасность, такую защищенность от одного присутствия его, преисполнилась такой безумной нежности и почему-то жалости к этому гиганту, ей захотелось, чтобы он взял ее на руки и прижал к себе, вжал в себя, а она бы целовала его в лоб. И плакала, плакала... В общем, хорошо, что Эш, да и никто другой, не умеют читать мысли.

– Вопрос... Для отдельной дискуссии кто из них круче, – примирительно проговорил дедушка. – Повторю: имелись причины, по которым Асуро не мог быть рейханом. Хотя, чтобы их детальнее описать нужно рассказать все с начала... Ох-ох-ох... Откуда начать бы.

Он снова задумался. Его выцветшие глаза смотрели поочередно на детей. Они поняли, что старик прикидывает: говорить о каких-то моментах или не говорить.

– Деда, мы уже не дети, – степенно и по ее мнению солидно произнесла Аня. – Рассказывай как есть, мы пойдем. Все равно когда-нибудь узнаем, так уж лучше от тебя. А если боишься, что мы чего-то испугаемся, то это вряд ли. Вон Эш сейчас читает про вторжение Баха.

Мальчик бросил на нее предупреждающий взгляд, Аня прикусила язык, но было поздно. Дедушка ошалел и снова закашлялся в кулак.

– Честное слово, я этот шкаф выброшу к чертовой матери, – проговорил старик. – Сколько еще книг стырили, признавайтесь?

– Немного, – робко ответил мальчик. – Том про Баха самый, считай, интересный. Обычно попадаетея какая-то ерунда про законодательство Республики, культурология Сорминара, которую не прочитаете без словаря, список Верховных Советников Республики, перечень джиханов и тому подобная лабуда.

Дедушка ехидно улыбнулся.

– Знаешь почему тебе, кстати, так влетело за нее?

Аня тоже улыбнулась, но украдкой, чтобы брат не заметил. Эш покраснел и обиженно покачал головой.

– Потому что на тринадцатой странице написано про Розу, а на двенадцатой – про меня.

Дети переглянулись. Вид у каждого был такой, словно они упустили из рук золотой слиток, выкинув его в море, приняв за обычный камень. После того, как бабушка отлупила Эша, книгу они больше не видели и вряд ли теперь когда увидят.

– Э-э-э-х-х, исследователи вы недоделанные, – хрипло и сочно засмеялся старик. – Вас бы в Республику, когда любая книга про Сорминор находилась под строжайшим запретом и чтение каралось, в лучшем случае, смертной казнью.

– А что про тебя там писали? – спросила Аня.

– А про бабушку? – спросил брат не без крохотной доли злорадства.

– А вот уже не скажу, — смеялся дед. – Слушайте и понемногу узнаете. Давайте так: сначала поясню откуда рукопись. Написана она, как я сказал, в 10 году. После встречи на Острове Судей...

10 год Новой Федерации,

Остров Судей, где-то в районе здания Центральной Администрации

День встречи, раннее-раннее утро, практически ночь

– ...Ничего, ничего, такое бывает. Посидите, отдышитесь, пройдет. Перемещения даются нелегко, полностью вас понимаю, особенно первое. Тем более, вы не до конца оправились после предыдущих недугов.

Тяжело и часто дышишь, глядя в землю. Желудок снова скрутило тошнотой, пару вдохов надеялся, что отпустит, но нет, тебя опять вывернуло.

– Гм... Я немного извиняюсь, – произнес человек, сидя на камне, брезгливо или учтиво отвернувшись от тебя. – Стоило, пожалуй, в два захода, чтобы не настолько долгое расстояние за раз.

Отплевываешься. В носу и горле отвратительно зажгло, рот наполнил гадкий привкус.

– Но нужно было поспешить и явиться точненько к нужному моменту, – сказал человек, достал платок. И высморкался в него.

– Где... Тьфу... Где мы?

– На так называемой Земле Судей. Есть ассоциации?

Садись на землю, утираешь лицо, пытаешься прийти в себя. Голова безудержно кружилась, тело словно расширялось и разбухало после невероятного сжатия. Стоило бы выработать привычку к вечному слегка контуженному состоянию, которое сопровождает тебя с момента пробуждения.

А название, тем временем, *вызывало* ассоциации. Ты его определенно слышал. Но на том знания о местности и заканчивались.

– Название знакомо. Но более... Ничего не помню.

– В сих краях некогда находилось ваше непосредственное начальство, именуемое не иначе, как... – в голосе незнакомца прозвучала нескрываемая насмешка и сарказм. – Верховный Совет Мировой Республики. Во как. Оценили? Все ведь вам подавай верховное, все мировое...

Еле-еле сфокусировал внимание, оглядываешь собеседника. Тот сидел на камне, уставившись на твою грудь.

– А интересные циферки, – медленно произнес человек и указал пальцем на наколки. – До неприличия интересные. Позвольте полюбопытствовать: по какой причине выбор для украшения тела пал на данную комбинацию чисел?

Отдуваясь, осматриваешь себя. Ты сидел на земле в больничных штанах, да легких тапочках.

– Без понятия, – честно отвечаешь ты. – Наверно, по той же, по какой набил и этот глаз.

– Нет, с глазом-то все понятно. Предельная банальность – один из символов Республики, ее всевластия и давнишнего тотального контроля. *Око Совета, следящее за тобой*, – собеседник снова зазвучал с издевкой и кривлянием. – Полная ерунда. Но числа...

– Знаешь их значение?

Человек был обыкновенным. Короткие волосы жидкого цвета, худоба, взросло-неопределенный возраст, образованное и начитанное лицо. В противовес тому расплывающемуся образу, сейчас он имел внешность пресную, из разряда тех, которые не заметишь, не запомнишь. Присмотревшись, улавливаешь и у него самого наличие наколки на шее, ниже кадыка: равнобедренный треугольник вершиной вниз с каким-то рисунком внутри.

На твой вопрос он ответил не сразу. Явно что-то прикидывал.

– Понятия не имею, – наконец сказал он.

Разумеется. И на какой ответ ты рассчитывал?

– Но... – продолжил собеседник. – Похоже вы полны сюрпризов, господин маршал. Теперь понятно почему... Гм.

Не обращаешь внимания на его эти полунамеки и загадочности, встаешь, изучаешь местность перед собой. Кругом виднелись следы разрушений: широкая, вымощенная камнем площадь, на которой ты стоял, извивалась паутинами трещин, всюду лежали какие-то куски рухляди и обломки. Кое-где росли деревья, из проломов на камне вылезала трава.

– Что здесь произошло? – спросил ты.

– Драка, – ответил незнакомец. – Масштабная весьма.

– Давно?

– Десять лет назад, – улыбнулся человек.

– Почему именно здесь?

– А вы обернитесь.

Следуешь его предложению и застываешь. Перед тобой, уходя за горизонт, ввысь, в ширину и во все стороны, во всю гладь взора простиралось невероятных размеров здание непонятной архитектуры, ужасающе громоздясь на клочке земли. Казалось, все в нем лучилось титанизмом: огромные бойницы, широченные окна, – кое-где, правда, отсутствовавшие, – переходы, мосты, налепленные на уходящие куда-то уже совсем в черноту ночи необъятные, недосыгаемые колонны. Не верилось, что создать подобное под силу человеку.

– Впечатляет, скажите? – незнакомец подошел к тебе, любясь больше выражением твоего лица, чем постройкой.

– Это... Что? – голос у тебя ошарашенный.

– Здание Совета вашего. Верховного. Скромное жилище для скромных слуг людей. Однако конъюнктура изменилась, теперь у людей новые слуги, тоже, разумеется, скромные, не менее благородные и честные. Удобное такое местечко. Всех вмещает, – насмешливо сказал странник, принесший тебя. – И, кстати, они вас, думаю, заждались.

Картинка в твоей голове начинала складываться. И не нравилась тебе эта картинка, прямо говоря. Медленно отступаешь от человека, тело машинально принимает боевую стойку.

– Эй, эй, вы чего? – сразу отреагировал человек.

– Эти новые слуги – по их приказу меня в больнице хотели грохнуть?

Невыразительное лицо человека искренне удивилось.

– Конечно... Ах, вы считаете я веду вас к ним на съедение? – спросил он. – Если бы и я желал вашей гибели, то не вытаскивал бы из лап той несчастной девушки, согласитесь?

– Но ты ведешь меня к тем, кто хотел... хочет моей смерти. Зачем мне туда? – твой голос звучит весьма вкрадчиво.

– Новые владельцы сей недвижимости ожидают со дня на день кое-кого. Собирают по всему миру оставшихся... персоналий прошлого, – сказал человек, примирительно подняв руки. – Ибо предусмотреть всех последствий не могут, готовятся поистине к наиневроятнейшим вариантам.

– Хао? Он придет сюда? – спрашиваешь ты. – И я должен буду его встретить вместе с остальными?

– Точно так, – согласился твой инкогнито. – Уверяю, никто и виду не подаст, что хотел вашей смерти.

В скором темпе соображаешь. Ситуация следующая: у тебя был знакомый, – враг или друг, пока даже неясно, – который, судя по всему, стал знаменитой личностью одиозного характера. Все его опасаются, ждут и все в таком духе. Он скоро явится сюда. Новое правительство, как бы оно там ни называлось, к тебе расположением не блещет, но оно, видимо, собирает всех важных фигур прошлых лет для урегулирования ситуации с Хао. И ты – одна из таких фигур, по мнению этого преснолицего. Но не по мнению правительства.

– Ты на чьей стороне?

– На вашей, господин маршал, на вашей. Можете успокоиться, – горячо ответил человек. – И на стороне... Хм... Ну Хао, да. В общем, на стороне людей, как-то так.

– Значит Хао и я – союзники?

– Н-н-не совсем, – как ты и ожидал, он замялся. – Но поверьте, *уже* не враги.

Смотришь на здание. Выбора как такового нет. Допустим, захочешь сбежать – и куда? Средств к существованию нет, дома нет, близких или друзей тоже. К работе, не связанной с проливанием крови, ты вряд ли приспособлен. Однако ты весьма известен, известность эта спорная, узнают и прирежут где-нибудь. Хотя может быть какие-то близкие остались, но один хрен ничего не помнишь. Ни прошлого, ни имени...

– Ты назвал меня Химмель, верно?

– Верно, – согласился человек, терпеливо ожидающий твоих действий. – Маршал Химмель, командующий восточными группами армий Республики.

– Что еще можешь сказать?

– А что бы вам хотелось узнать?

В твоей груди потеплело от злости и раздражения. Вечные ответные вопросы и недо-молвки порядком надоели.

Ты ринулся к незнакомцу, пытаясь ухватить того за грудки, но тот с недюжинной пронырливостью отстранился и в ужасе замахал руками.

– Нет, нет, нет! Не трогайте меня ни в коем случае! – голос у него зазвучал предельно взволнованно, даже истерично. – Не за себя беспокоюсь, а за вас! Вы чего взъярились-то?

– Я должен знать хоть что-то! Имя, должность мне мало о чем говорят, – твоя интонация стала грозной и будто привычной. Похоже ты часто к ней прибегал. – Кто меня ждет? Какова будет моя функция? К чему мне быть готовым? Кто ты, в конце концов, мать твою, такой?!

Незнакомец терпеливо тебя выслушал, опустил руки, устало вздохнул.

– Кто я – это вопрос неактуальный, вот честное слово. Насчет того кто вас ожидает: бывшие джиханы, бывшие коллеги по цеху, то есть военные Республики, члены правления новой Федерации и остальные по мелочи, – перечислял человек, загибая тонкие, длинные пальцы. – По именам перечислять не буду, не вспомните. Функция ваша – осуществление приема объекта «Зеро». Иначе говоря, встретить, потолковать о том, о сем и желательно мирно разойтись.

– Объект «Зеро»?

– Кодовое название мероприятий по слежке за Хао и обозначение его самого. Идиотское, согласен, но давал не я.

– Можем разойтись не мирно? – все время разговора внимательно следишь за собеседником.

– Врать не буду – вероятность есть, – тот печально развел руками. – Конкретно его действия выходят из моей сферы... компетенции, так сказать.

– У меня есть выбор? Я могу не идти туда?

Незнакомец оценивающе осмотрел тебя. Похоже было, что он на мгновение сверился с некой внутренней инструкцией. Словно сам удивляясь от собственных слов произнес:

– Вы знаете... Да. Можете. Я не в праве заставлять вас. Это одно из условий *моего* договора.

– С кем?

– А не ваше дело, – улыбнулся он.

Иллюзия выбора, горько усмехнулся ты своим мыслям. Уходить некуда, признайся честно. Кроме того, если хочешь выяснить свое прошлое и место в мире необходимо узнать как можно больше, – бывшие коллеги и враги подсобят в таком вопросе.

– Ладно, – ты проводишь руками по усталому лицу, разминаешь плечи. – Мне туда прямо так и заявиться? В тапках, да рваных больничных штанишках? Иду я один, верно? Ты за мной не последуешь?

Незнакомец засмеялся. На этот раз весьма приятно, по-человечески.

– Вы когда-то чуть ли не за правило держали прибывать на крупные мероприятия в несоответствующем виде. Не переживайте, вас моментально признают, по одежке встречать не будут. И нет, не последую, свою роль я выполнил, далее сами.

Ты снова окинул взглядом здание.

– А где вход?

Но никто тебе не ответил, окружающий сумрак был тих и глух, белесого человека и след простыл.

– Все равно что сам с собой разговаривал... – недовольно пробурчал ты. Поправив светло-зеленые брюки пятнами крови, вероятно не твоей, хмуро направляешься искать способ пробраться в каменную громадину.

10 год Новой Федерации,

Остров Судей, здание Центральной Администрации

День встречи, очень раннее утро

– Том, вставай! Томас! Поднимайся ты! Господи...

Джоан расталкивала пухлого мужчину, тормоша его за руки, шлепая по щекам, дергая за изношенную коричневую рубашку. Тот невозмутимо лежал на диване, тоже коричневом и неопишимо грязном. Бросив попытки разбудить его мирным способом, она налила в стакан ледяной, мутной воды, – а тут другой не текло, – и с наслаждением медленно вылила на посапывающее лицо.

– Аррргхпччч! Тьфу! Хорош, ну!

Заскрипели ржавые диванные пружины, он медленно сел и протер физиономию.

– Сколько время? Пора? – просипел он.

– Нет, но случилось кое-что другое! – возбужденно произнесла девушка.

– Джоан, я просил не будить меня ни при каком условии! Ты же знаешь, – сон для меня – настоящий подвиг...

– Угомонись, Том, и послушай: вроде как сюда кто-то прибыл, – она подошла к зеркалу и начала наводить утренний туалет.

– Сюда каждую секунду кто-то прибывает, мать твою! И каждое мгновение что-нибудь случается. Но нас интересует исключительно одна персоналия...

– Поговаривают, что якобы объявился Химмель, – она держала резинку в зубах, ловко манипулируя с волосами, наворачивая их в толстый хвост. – Мавшал дакой побнифь?

Том замер, потом недоверчиво переспросил ее.

– Да, да. Химмель. Тебе не слышалось. Поэтому поднимай свою морщинистую жопу и побежали.

Закончив прихорашивание, она повесила камеру на шею, взяла сумку, закинула туда блокнот, ручку, еще один фотоаппарат.

– Мне солдатик один по секрету шепнул, мол со стороны Голого сада пришел какой-то оборванец. Назвался Химмелем. Судя по поднявшемуся кипешу, по ходу и впрямь он. Сейчас его спалили служивые, но если поторопимся, то успеем самолично удостовериться.

Том молча слушал девушку и чесал сухую лысину. Его бородатое, осунувшееся лицо выражало недоверие, граничащее со страхом и радостью. Покусав губы, он встал, потер спину, надел мятый твидовый пиджак.

– О, дела... Как молниеносно все с катушек двинулось. Всего ожидал, Джоан, но подобного...

– Шустрее одевайся! Ботинки твои под диваном.

Он достал грязные туфли без шнурков, надел их, насили всовывая пухлые ноги.

– Который час? – спросил Том.

– Не знаю, раннее утро. До *его* прихода полно времени, успеем, не переживай, – протаторила девушка, окончательно собравшись и стоя в ожидании.

– Ты иди, я тебя догоню, дай морду помою, – проговорил мужчина, – Где его сейчас держат?

– Внизу, рядом с холлом, как я поняла.

– Спускайся пока, жди меня в приемной.

– Том, одна нога здесь, другая там, понял?

– Понял.

– Если хочешь, на столе бутерброды и кофе, без сахара, как любишь.

– Спасибо.

Она выскочила в коридор и быстро-быстро потопала. Ее шажки долго передавались эхом. Том же зайдя в ванную, открыл кран с грязноватой водой и замер в оцепенении, уставившись в толстую ржавую струю.

...Последнюю строчку Томас Хантер написал десять лет назад, выдав материал, который принес ему всевозможные награды и почести, вкупе с солидным материальным бонусом. Награда, по его мнению, была недостаточной, учитывая *какую* цену он заплатил за десяток листов текста с описаниями последнего боя у Пояса, включая интервью выживших участников, многие из которых сегодня находятся здесь.

Поставив точку и отнеся материал всем редакциям, пройдя курсы реабилитации от посттравматического расстройства, парочку запоев, тягучую депрессию, неудачную, – к счастью... ли? – попытку суицида, опять запои и снова депрессию, Том от всего сердца надеялся,

что прошлое ушло, осталось погребенным за покровом лет и никогда оно не вернется в его жизнь. Жизнь спокойную, мирную, полную обыкновеннейших радостей в лице семьи, недавно появившихся на свет детей; радостей наподобие работы продавцом в скобяной лавке, увлечения рыболовством. И, конечно же, его уютнейший, просторный и солиднейше обустроенный дом. Семья, дети, работа, увлечение, спокойствие, радость быта, – ну не это ли счастье? Зачем еще что-то нужно в жизни?

Ничего из окружающего мира не волновало его, никакие войны больше не привлекали Томаса Хантера своим свирепо-мрачным, адреналиново-авантюрным, дьявольски-глетворным очарованием; пираты, преступники, революционеры, смутьяны, бузотеры, бунтари; идущие против закона, рядом с законом, выше закона, в закон и попросту в жопу; солдаты, фанатики, ополченцы, сепаратисты, террористы, экстремисты, фундаменталисты; подпольные ячейки, банды, незаконные вооруженные формирования, законные вооруженные формирования, армии, генералы и советники, полевые командиры, молодые вожди революции, – все, все эти обозначения бессмысленного насилия не имели больше никакой треклятой возможности выдернуть его в очередное путешествие на горизонты позабытых богом стран, ради острого репортажа или отбойной статьи.

Временами, Том горько и отчаянно размышлял, когда уходил на рыбалку и оставался наедине с ненавистным собой, что родился он хотя бы на сто лет позже, то все повернулось бы иначе. И почему он не родился на сто лет позже?! А лучше б и совсем не родился... А ведь однажды, во время посиделок с редкими друзьями, один сказал: «Зато тебе есть что порассказать твоим детям и внукам». Том тогда едва не засадил по голове бутылкой тому умнику. Надо же быть таким болваном! Можно подумать, что мечта жизни – рассказывать детям, как ты фотографировал траншеи, полные мертвых солдат, их кишок и остальных фрагментов, а потом описывал эти кошмары. Как ежедневно размышлял, что тебя убьют, несомненно убьют, не сегодня, так завтра, убьют совершенно точно, без сомнений, убьют наверняка, и грош цена этому кровавому карнавалу! Вот уж история детишкам на ночь!

К черту это, думал он. Никакие деньги не смогут купить ему новые воспоминания, где не было намертво вклиненных ярких и детальных картинок с изувеченными людьми, обстрелами, смердящими ямами от бомб, обезглавленными телами с содранной кожей, где не было бестолковой и бесконечной череды смерти, разоблачений и сенсаций. Он был одним из лучших в запечатлении ужасов великих событий прошедших лет, но ничего не могло сравниться с прогулкой по цветущей улице с сыном на руках, ничего не шло в сравнение с рыбалкой и теплым завтраком, сделанным руками любимой жены.

...Все оборвалось, резко, непредвиденно и несправедливо. Последний так называемый рейхан Хао напомнил о себе. Том не удивился случившемуся, это обязано было произойти. Человек подобного калибра никогда не исчезает и не уходит в небытие молча, где-то в тишине. Не-е-ет, нет, нет, нет! Ох, нет! Нет, забудьте! Он обязательно постарается опять перевернуть мир кверху дном, не считаясь ни с жизнью, ни со смертью остальных людей, он все жилы порвет, лишь бы поставить все вокруг раком.

Ожидание, томившее сердце Томаса годами, наконец получило выход при виде знакомого, до испуганной боли знакомого лица, покрывшего страницы газет, мелькавшего в видеорепортажах. И неведомая сила извернула душу Тома, как детские трусики после стирки, внеся в нее тягу ощущения к причастности больших событий; рука, вместо саморезов, дюбелей, шурупов, болтов желала ручку и лист, искала диктофон или микрофон. А нутро вновь вралось испытать прилив адреналина, изнюхать пота, пропитаться кровью...

Не стало сюрпризом и то, что из пепла восстали остальные люди, которых Том, наедине с самим собой, называл не иначе, как «чудовища». Со всеми ними он был, близко или не слишком, знаком. И с годами он не понимал: стоит ли этим гордиться или от этого скорбеть.

... Бывшие коллеги, по крайней мере, те, кто остались в индустрии, встретили его с пониманием и готовностью. Все они стали или главными редакторами, или попросту владельцами радиостанций, газет, телеканалов и этих новомодных сетевых инфо-станций.

Времена кардинально изменились, поэтому получить направление в твердыню Верховного Совета не составило труда. Пара дней – и вот он здесь. Также изменился его спутник. Точнее спутница. Молодая, юркая, необычайно живая Джоан Адамс, талантливая, амбициозная, по-журналистски наглая. Ее жесткий характер, фамильярная манера общения, грубость, готовность идти напролом привлекли Тома, поэтому выбрав именно ее в напарницы, он отправился освещать пришествие Хао.

Том откашлялся, сполоснул лицо водой. «Освещать». Ненавистное слово. Пусть бы оно все погрязло во тьме...

*10 год Новой Федерации,
Остров Судей, здание Центральной Администрации
День встречи, примерно утро*

На просторном балконе молчали. Молчали опасливо потупившись. Молчали сдавленно, затравленно. Молчали и наблюдали за Маратом. Он же с мучительным выражением тер пальцами виски в попытках успокоиться.

– Господин консул, мы же так и думали, что... – начал один из присутствующих, видимо, не в силах более терпеть эту тишину. Гаспар его одернул, но не успел.

– Нет, мы так не думали! – моментально проскрипел болезненный консульский голос. Его слезящиеся, покрытые паутинами красных воспаленных жил, рысьи с желтизной глаза пробежались по подчиненным, – Не думали! Я чего угодно ожидал, но не подобного, идиоты! Нет, но ладно Зеро прошляпили, ладно полуживого овоща завалить не смогли, но чтобы вот так запросто сюда... Сюда! – сипло выхрипел Марат с надрывом. – Приперся Химмель и как ни в чем ни бывало... Здравствуйтесь! Меня зовут Химмель, как я знаю, меня ждут... Гостиницу нашел, мать его, блядь!

– Господин консул, – начал Гаспар. Он лучше остальных знал реальность угрозы подобных реакций начальника. – Никто не говорит, что сработано без шероховатостей. Но вы *желали проверить* и проверка завершилась удачно.

– Да пошел ты знаешь куда?! – ниже всех присутствующих минимум на голову, сутулый, тощий, хромой, рябой и хриплый, консул Бронштейн взглядом сковал присутствующих. – Без шероховатостей было бы получить сведения о том, что эта собака жива и находится где-то в Новом Свете.

– Он теперь называется не Новый... – неумышленно поправил видный, высокий мужчина, о чем быстро пожалел.

– Пасть закрой, – откровенно уродливое лицо Марата вместе с желчными глазами впились в говорившего. – Ты же отвечал за ликвидацию, Секариус, если не ошибаюсь?! Что, никого получше, чем слепая от злобы, обезумевшая психопатка не нашлось?! Тебе короткий ликбез устроить как проводить такие операции, а?! Вмиг устроим. Эмпирически покажу, прямо на твоей женке и отпрысках!

Мужчина, названный Секариусом, побледнел.

– А ты, – консул обратился к жгучей брюнетке, стоявшей чуть позади мужчин, – Указание давалось четкое, четче некуда: следить за ним! Следить, чтоб тебя! А не присылать мне... – консул дрожащей, тонкой рукой полез в карман и достал бумажный огрызок. – «Объект исчез из поля зрения. Никакой информации о месте следования и способе отбытия передать не можем». Ты чего, с ума сошла, милая моя? Охуела, я тебя спрашиваю?!

– Господин Бронштейн, мы обследовали окрестности и всю лечебницу, но абсолютно никаких следов не обнаружили. Даю честное слово, обследовали каждый сантиметр, – проговорила женщина необычайно томным, красивым голосом, – Я свою работу знаю. За результат я отвечаю жизнью.

Лицо Марата окаменело. Гаспар напрягся: за подобным выражением оспинного лица всегда следует реакция.

– Ну что ж, – ровным тоном сказал Марат. – Отвечай. Гаспар, организуй-ка нашей непревзойденной Лисе полет, пожалуйста.

– П... Простите? – грубое, смуглое лицо Гаспара окрасилось удивлением. Женщина в страхе попятилась.

– Ты слышал.

Проглотив какой-то комок и внутренне пересилив себя, под молчание остальных «коллег», Гаспар железной хваткой за секунду молча скрутил коллегу, перекидывая ее через мраморный балкон. Она не кричала, ибо мужчина умело заткнул ей жесткой рукой рот, лишь инстинктивно брыкалась, безумно вращая глазами.

– Постой, – остановил подчиненного консул. Подошел к дрожащей женщине, сдавленной в руках подчиненного. – Летишь секунд десять, учитывая высоту и разбиваешься. А потом я говорю всем... эээ... – он снова обратился к записке, – «Никакой информации о месте следования и способе отбытия передать не могу». Нормально? Сойдет?! – Марат скомкал бумажку и кинул в лицо подчиненной. Та простонала.

Консул тяжело дышал, облизывая язвенным языком потрескавшиеся, шершаво-сухие губы. Воздух на такой высоте был холодный и свежий. Марат укутался в свое черное пальто.

– Отпусти, – прохрипел он после недолгой паузы. Ярость, застилавшая глаза, вошла в контролируемую фазу и постепенно гасилась.

Гаспар повиновался: аккуратно поставил брюнетку обратно. Бережно отряхнул ее, поправил волосы. Она не заплакала, ни одной эмоцией не подала виду о своих ощущениях. Осталась стоять. Гаспар же подобрал бумажку с ее донесением и сунул в карман.

– Итак, милые коллеги, сработали мы плохо. По всем фронтам, – начал консул. – Но что было, то было, прошлого не исправить, не вернуть. Зеро движется сюда. Прибудет скоро.

– Откуда знаете? – спросил молчавший до этого пожилой мужчина с богатейшей седой шевелюрой и с шрамами на все лицо.

– Чую, – злобно ответил консул. – Я их всех кишками чую! Он где-то рядом. А что касается «В», то бывший маршал, если опомнится, прольет нам такое количество дерьма, что мы захлебнемся! А сделать ничего теперь с ним нельзя. Во всяком случае, на данный момент. Паскуда, висел на острие нашего ножа целое десятилетие. Не слушал бы вас никого, б-б-э-ть, надо было его грохнуть! Ой-ой-ой, советчики, едрить вас всех... Сука, крутится теперь здесь, рядом с другими уродами... Я тоже хорош... Кто меня вообще дернул их приглашать? С чего вдруг в голову такая моча ударила? Гаспар, хоть ты бы остановил!

– Да я... Как бы... – начал было смуглолицый виновато, но Марат его не слушал – он облокотился на край балкона, сделал глубокий хриплый вдох, тон его речи понизился, потом превратился в невнятное частое бормотание с самим собой. Никто из присутствующих не шевелился и в выражении лица не поменялся. Чего нельзя никак было сказать про самого Марата: его морщинистые отгалкивающие любого черты заиграли и живо зашевелились, желто-красные, капиллярные глаза как муравьи забегали из стороны в сторону, из стороны в сторону, из стороны в сторону, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда...

– А эти мои гарпии-наседки с какого перепугу согласились? С какого перепугу? И все эти уроды ведь нашлись, все отозвались почти, почти, почти... Почти... Почти... Все ли? Все, все-е-е... Знают, знают чего-то падлы, нелюди, ох знают, надо было добить их, надо было их там всех добить, махом, да, единым махом, рассовать по траншеям, вместе с остальными, и

каждому по пуле, каждой по пуле, всем по штыку, и оставить там, в прошлом, ох, оставить, смять их, раздавить, как жуков, как мух перебить, не хватило рук, не хватило воли, надо было добывать, очищать пламенем, очищать каленым железом, жечь все, все выжигать, до самых глубин вычищать человеческую тварь, мять и плавить ее, плавить и мять, месить, как гниль, как говно, как глину!...

Гноящиеся очи консула блестили в огненном рассвете, изнутри их зажегся огонь, огонь яростный, не ведающий усталости и милосердия, словно этот огонь и был там, был всегда, где-то внутри немощного тела, потаенный и насильно притушенный, огонь превращался в пламя, и пламя выливалось, не находя себе места, выливалось наружу во внешний мир, выливалось гноем, из воспламененных очей, бегающих туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда...

– А-а-ах, вытащите меня, сжег бы все, объял пламенем, ох вы думаете не хватит меня, думаете не хватит?! Ничто не успокоит меня, ничто, ничто, никогда, ни за что, только революция, только до конца, пока не увижу ваши простреленные мозги, пока не отведаю их сам, лично, единолично, ваши стекающие мозги по застенкам нашим, бестолковые мозги, думаете зажали меня, думаете я успокоился, думаете испугали, ох, оплатитесь, ха-а-ах, нашли себе соломинку, не спасет ваша рейханская шваль, не-е-ет, не спасет, не спасет, ничто среди мирских юдолей вас не спасет от меня, только стегать каленой плеткой, стегать и стегать, пока из свиней не превратимся в людей, без жалости, без суждений, бегите лучше, эти ваши тайны, эти ваши ауры, все подчинено материальному, имел я, имел я раком ваш идейный мир, через кованного человека – в небеса! И небо уже близко! НЕБО УЖЕ БЛИЗКО!...

– Ладно, – проговорил Марат.

Словно вынырнув из клокочущей лавой тарабарщины, он выпрямился и повернулся к остальным. Подчиненные стояли не шевелясь и не дыша, будто попав в стоп-кадр; они стояли недвижимые и полные трепета, словно увидевшие секунду назад пламя до краев небес, все стояли сдавленные страхом и благоговением перед совершенно для них непонятной энергией.

...Консул вошел в свое обычное пронзительное деловое состояние, лучи солнца продолжали освещать его, но обжигающая энергия, бьющая во все стороны, ушла из его облика.

– Ладно... Так тому и быть. Так и быть... Раз уж так вышло, то давайте оперировать тем что имеем: пойдём к нашему гостю всей прибывшей, появившейся компанией. Значит так...

Консул достал небольшой флакончик, встряхнул его и «пшикнул» в рот. Сделал несколько неуверенных, надломленных вдохов. Потом вытащил блестящий, жестяной портсигар, выудил синюю папиросу. Гаспар по привычке подкурил ее.

– Как я уже сказал, на мою голову идею о привлечении копролитов прошлого с радостью поддержали все члены Администрации. Поэтому слить их не получится. Надо работать, никуда не деться. На нас весь мир смотрит. Права на ошибку нет. На кону наши головы.

Сделав глубокую затяжку, Марат продолжил:

– За весь цирк джиханских недобитков отвечаешь ты, Секарио. Увидишь или заметишь странности в поведении, они начали буяннить или сумасбродничать, – действуешь и наверняка, понял?!

Секарио кивнул, но сказал:

– В стане джиханов по идее формально числится наш нынешний министр финансов и не мне вам про него рассказывать. Если начнет... выходить за рамки, то как действовать?

– Никак, – сказал консул сухо. – За рамки не выйдет.

Секарио после секундной паузы поклонился и удалился с балкона.

– Так, далее. Ты отвечаешь за республиканских вояк, – обратился Марат к человеку с шрамированным лицом. – Отойдут влево или вправо – сливаем весь компромат. В архиве разрешение я выпишу. Последствия беру на себя. Среди них есть бывший маршал Юн, на него в некотором смысле можно положиться, работаешь через него тоже, понял?

Седой подчиненный также молча кивнул и покинул балкон.

– Агата, за тобой наши Администраторы, как всегда, – обратился консул к брюнетке. – О любых действиях и шагах незамедлительно докладываешь мне. В приоритете: Зеро, «В», присутствующие джиханы, военные Республики. Слово о них проронят и это слово у меня, ясно?

Женщина поклонилась. Кинула короткий взгляд на Гаспара и легким шагом вышла.

– Ну а мы, мой друг, пойдем к Зеро, – обратился Марат к начальнику своей разведки.

Ни один мускул не дрогнул на лице Гаспара. Всем своим видом он выражал согласие и покорность.

– Встретим старого знакомого, – проговорил консул и закашлялся. – Ой, нет, пойдем отсюда, не любитель я холода и ветра...

Глава 6. (
The
) Panopticon (
ver
. 4.0)

10 год Новой Федерации,

Остров Судей, здание Центральной Администрации

День встречи, граница между утром и полуднем

Понимаешь неловкость ситуации, а все равно пялишься. Непонятное нечто перед тобой вразвалку и развязно растеклось на кресле, с черной тростью на коленях.

Вид у соседа был совершенно вырвиглазный: густо намакияженное лицо, неестественно белое, с идеальной кожей; точно очерченные ярко-красные губы кривились в усмешке, сочно подведенные черной тушью крупные не моргающие глаза пялились на тебя в ответ; длинные, похожие на гриву, ало-красные, пышные волосы, крепко зачесанные назад, блестели в оконном свете; острый худосочный нос, колючие высокие скулы... В левом ухе торчала большая золотая серьга, на руках белоснежные перчатки, повсеместные рюшки, блестящие цепочки, вычурная, безумная одежда сине-красно-зелено-оранжево-непонятно-каких тонов с филигранными яркими пуговицами. Глядишь – и будто сам немного сходишь с ума.

– Ни чуточки не помнишь меня, да? – проговорило существо голосом не низким и не высоким, ни жестким, ни нежным, но до предела мелодичным. – Обидно, знаешь ли. Десять лет где-то пропадал, потом явился почти в чем мать родила. На радостях, думаю, повидаю старого товарища, а он сидит с девственно чистым взором.

Речь этого человека в кресле была впору его одеянию: каждое слово масляно обмакивалось в интонацию и выкладывалось в предложение; паузы, ударения на словах, на коих, казалось, и ударения делать не стоило.

– Вы... Ты... Ммм... Служил, в смысле служила... То есть в армии со мной, да? – пытаешься собрать мысли в кучу и каким-то образом начать разговор, но совершенно не получается. Да что там: определить элементарную половую принадлежность – и то не выходит. Мужиковатый для женщины, женственна для мужчины.

Оно засмеялось, высоким, ледяным голосом, кокетливо прикрыв напوماженные гладкие губы.

– Что ты, мой милый! С Республикой у меня дороги разные были, в особенности с армией.

– Значит ты джихан, – скорее утвердительно говоришь ты. И примолкаешь, ибо фантазия понеслась вскачь: если подобные люди шли в джиханы, то сам факт твоего армейского чина и служения другой стороне являлся отрядным. Фантазия же рисовала чудиков и монстров невозможнейшего типа.

Фигура странно, как-то наискось, кивнула. Далее пергидрольное лицо открыло рот, обнажая белоснежные зубы, развратно играя длинным блестящим языком с черным кольцом на кончике. Язык развратно и со слюнявым чвяканьем нежно переползал по лилейным клыкам и крестцам, едва касаясь краешка матовых губ.

Ты понял, что впервые с момента «пробуждения» еще один орган впервые подал признаки жизни. Что за ерунда?!

...Лицо жадно обгладывало тебя взглядом. Взглядом ненормальным. Даже не безумным, а именно что не нормальным. Не в силах больше выдерживать вида нового, – или новой? – знакомого или знакомой, встаешь и решаешься пройти по комнате. Вкусный, но до тошноты насыщенный аромат цветастого наполнил комнату буквально до краев. Аж передернуло.

...Приняли тебя, надо сказать, довольно оперативно, пусть и не без большой доли шока. Пройдя все формальные процедуры, накормили, одели, определили в комнату в одной из башен. Лично поприветствовать пришел, как ты узнал, консул Сената Новой Федерации, Марат Бронштейн. От одного его вида ты приободрился: в сравнении с этим консулом твое тело было вообще на высоте. Для публики вы оба обменялись пустыми словами, улыбками, рукопожатием, – испугался, что сломаешь его узкую, горячечную, шершавую ладонку, – но тебе сразу хватило ума понять, что друг другу вы, мягко говоря, не по душе. Более того, его уродливое лицо вспомнилось: вы когда-то встречались и наверняка встречи были не из приятных. В любом случае друзей в правительстве у тебя нет: приказ убить отдал либо он, либо кто-то другой из новых чиновников. Но подавать виду о том, что ты знаешь – сейчас не стоило. Куда лучше спокойно обследовать обстановку.

А обследовать было что. В здании копошилась тьма народу, все куда-то бегали, что-то делали, массы журналистов, репортеров, организаторы, чиновники, какие-то солдаты в причудливой форме, обслуживающий персонал, – все чем-то занимались. Поток суматохи подхватил тебя и понес по своему течению: накинулись журналисты, ослепляя вспышками и тыкая микрофонами, быстро осмотрели разные врачи, – сами их лица чем-то уступали Паэльсу, им требовалось на порядок больше времени, чтобы установить то, на что Луке требовались жалкие секунды.

Пару бесед провели вежливые, дружелюбные люди в штатских одеяниях, задавая вопросы, которые устанавливали произошедшее в больнице. Всем ты давал общие ответы, уверенно кося под дурачка с амнезией.

Оказалось, что перемещение от лечебницы до здания Администрации вышло необычным. Тебя не удивило расстояние перемещения, – около половины планетарного шара, – но впечатлил другой момент: за время путешествия прошло семь дней. Хотя для тебя меньше секунды. Тот человек с треугольником на шее был очень и очень непрост. Память пока неверно служила тебе, но позволяла вполне явственно понять: подобного ты не видывал. В памяти услужливо появились образы из прошлого: глубокая, длинная с улицу и широкая в человеческий рост черная трещина в земле, вызванная ударом какого-то здоровяка с повязкой на глазах... Черная тень бьет ногой по льду и заледеневшее озеро покрывается трещинами, лед начинает дыбиться... Беловолосый мужчина взмахивает мечом и сходит лавина... Однако ж прыгать вот так запросто на неделю вперед не умел никто, в этом ты был уверен. Во всяком случае, таких ты не встречал.

По ходу дела тебе определили охрану из пары молодых и крепких на вид ребят. Они молча сопровождали тебя куда бы ты ни пошел, отстраняли назойливых репортеров, прочих приставал, коих набиралось всегда много, как только ты появлялся. Сумев перехватить газеты, понял три вещи. Во-первых, ты можешь читать, проблем с этим не было, что радовало. Во-вторых, кругом говорили и писали на обрезанной версии того, сорминорского языка. В-третьих, ты и сам был в каком-то роде знаменитостью. Твое пребывание в лечебнице, состояние здоровья и исчезновение не осталось незамеченным, трупы в больнице списали на сошедшую с ума

Лизу, ты же по официальной версии в беспамятстве от пережитого пустился в бега. Подобный момент позволил тебе понять и следующее: власть способна говорить что угодно, лишь бы с уверенностью, да по СМИ, – люди проглотят. Ни у кого не возникло больших вопросов по поводу того, как вчерашний коматозник прошел полмира и явился ровно в здание Администрации. На расспросы же тех вежливых, дружелюбных людей в простых одеждах ты сказал, что ничего не помнишь. На том и отстали. Пока что.

Встретить коллег по армии не получилось. По словам организаторов, они занимались военными приготовлениями и прочей канцелярщиной, подготавливая место для встречи. Выяснилось, что на остров согнали большие силы, с кучей техники и солдат. Ты решил не предлагать свои услуги, потому что не помнишь даже как отдавать честь.

После скудного, – определенно, в больнице кормили вкуснее! – завтрака тебя пригласили в некое подобие комнаты ожидания для собственно ожидания Хао. В комнате-то и находился размалеванный непонятно кто. Он же – министр экономики Новой Федерации.

И думать не хотелось об экономике под руководством такого чуда.

Комната, как тебе объяснили, располагалась где-то в глубине северной колонны. Этаж и все вокруг было в плачевном состоянии, наряду с остальными залами, проходами, балконами, за исключением нескольких, наиболее используемых. Основная часть здания оставалась необитаема. Как вообще заселить подобную площадь? Мало того, как ты смог узнать, в некоторые из колонн за десять лет проникнуть так и не удалось.

Вид из окна выходил прямо в небо, оно однообразно тянулось во все стороны. Далеко на земле ты лицезрел крохотные толпы и движения. Черные массы двигались довольно организованно. Видимо, войска, подумал ты.

– Почему силы стягивают именно к центральному входу? – спрашиваешь разноцветного, сидящего позади. Видеть его не хотелось, – Если он явится с другой стороны?

– Нормальные люди приходят к главному входу, как правило, – сразу ответил елеинный голос, – А не с черного, со стороны сада. В шикарных зеленых панталонах.

– Откуда узнали о его намерении встретиться? Он с кем-то получается контактировал?

Голос подождал мгновение перед тем, как ответить.

– Получается. Этот кто-то Александр Иан де Лиотар. Они с Хао когда-то были близки. Именно Иан взялся первым встретиться с нашим гостем где-то в их тайном, укромном убежище, дабы чуточку прояснить ситуацию. Через него было передано место и время встречи. Ибо что творилось в первые дни неизвестности, – не представляешь, дорогой! Паника, оры, вопли, крики, все мечутся. Наконец-то было весело!

Снова смех. Резкий и ледяной, как вода из проруби. По всему телу пробежали мурашки. Нет, спиной к нему или к ней стоять не вариант.

Возвращаешься на свое место. Пока ты бродил по комнате, фигура взяла трость и, сидя, оперлась на нее. Будто совиные глаза неотрывно следовали за тобой.

Берешь какой-то журнал со стола, лишь бы не сидеть просто так, не пересекаться с этой персоной. Говорить более не хотелось. Хотелось, если честно, уйти отсюда. Но что-то удерживало. Сам не знаешь почему, – вроде ж мерзко от накрашенного, а сидишь и делаешь вид, будто все равно.

А он, – она? – между тем, от тебя не отрывался. Всей кожей ощущаешь как бешеные, подведенные глаза прямо-таки тебя сжирают. Постепенно понял, что где-то в глубине снова поднялось то знакомое животное чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.